

# Наша Конституция

Завтра — День Конституции СССР. Когда размышляешь о значении и величии Основного Закона Советского Союза, основного закона нашей жизни, на память приходят слова писателя и педагога Антона Макаренко. Он писал однажды: «Личность и общество в Советском Союзе потому счастливы, что их отношения сконструированы с гениальным разумом, с высочайшей честностью, с великолепной точностью. И хотя в нашей Конституции нигде не стоит слово «любовь», но за всю историю людей в ней впервые реально поставлено слово «Человек».

Удивительно точно сказано. Законодательно закрепившая то, что добыто и завоевано советским народом, опирающаяся на осуществленные в СССР принципы социализма, наша Конституция пропитана духом любви к человеку, заботой о его благоденствии, развитии, процветании. Наша Конституция, охраняющая великие права и личные свободы советских граждан, обеспечивает каждому реально возможность активно участвовать в хозяйственной, культурной, общественно-политической жизни. Это и есть полнейшая демократия!

Поистине гордо звучит у нас слово — человек. Да и может ли быть иначе в Советской стране, где царят идеология дружбы, атмосфера взаимной поддержки, равноправия, где Коммунистическая партия, ведущая и направляющая сила нашего общества, неустанно заботится о дальнейшем повышении материального благосостояния и культурного уровня советских людей. Забота о благе народа — высший закон деятельности Партии.

А изобилие материальных ценностей и духовных богатств приведет к еще большему, невиданному доселе расцвету личности, к всестороннему развитию физических и духовных способностей всех членов общества. Это общество будет коммунистическим — мы и идем к нему!

Разные «теоретики» и философы буржуазии утверждают, что социализм — «подавляет личность», «суживает ее интересы», «ее эстетические потребности» и тому подобное. Такие утверждения все еще модны среди всяких клеветников, во что бы то ни стало стремящихся, вопреки здравому смыслу, очернить нашу систему. Надо ли доказывать, сколь бессмысленны подобные высказывания!

Буквально на каждом шагу всякий, кто не слеп, кто хочет видеть, может увидеть великодушный расцвет личности в стране социализма. Постоянно у нас выдвигаются множество талантов — во всех областях жизни: в производстве, в науке, в искусстве, в общественной деятельности. «Непочтотный родник» — говорил о талантах в нашем народе В. И. Ленин.

На Первом всесоюзном съезде писателей А. М. Горький подчеркнул, что в нашей стране «культурная работа личности ценится всей массой трудового населения так высоко, как она никогда еще и нигде не ценилась», и что «эта оценка непрерывно повышает рост личности и героизм ее работы».

Присмотримся к судьбам наших людей. Вспомним, к примеру, биографию Герасима Мальцева, колхозного ученого, замечательного новатора сельскохозяйственного производства. Вспомним биографию тысяч и тысяч наших новаторов, прокладывающих новые пути в технике, ученых, людей искусства, хозяйственников... Обращаясь, наконец, к биографии наших писателей. Немногие из них «всплыли бы в люди» в буржуазном обществе, где чахнут и гибнут миллионы одаренных людей, где капитализм мнет, давит и душит таланты. Зато как любовно и бережно пестует их советское общество, как поддерживает наше государство, как ценит весь народ!

На страже личности и свободы граждан стоит Конституция СССР. Она предоставляет им большие, великие права — на труд, на отдых, на материальное обеспечение в старости, а также в случае болезни и потери трудоспособности, на образование. Она предоставляет женщине полное равноправие с мужчиной, она провозглашает как непреложный закон полное равноправие всех граждан СССР, независимо от их национальности и расы. Она признает за всеми гражданами свободу отправления религиозных культа и свободу антирелигиозной пропаганды. Она гарантирует великие демократические свободы: свободу слова, свободу печати, свободу собраний и митингов, свободу учебных шестей и демонстраций. Она обеспечивает неприкосновенность личности.

Все замечательные свободы и священные права советских людей наша Конституция гарантирует на деле.

В Конституции запечатлено право со-

ветских людей на образование. Для того, чтобы ясны были гарантии этого права, укажем, что за один 1954 год число учащихся, окончивших среднюю школу, увеличилось в полтора раза по сравнению с годом 1953-м. На первый курс высшей школы в текущем году принято свыше 450 тысяч человек. Укажем также, что на различных родах курсов и в школах ежегодно повышают квалификацию до 9 миллионов человек.

Столь же весомы и зримы, прочны и неизбывы гарантии всех других прав, запечатленных в Советской Конституции! Советские законы, выражающие волю народа, политику Коммунистической партии и Советского правительства, бережно охраняют наш общественный и государственный строй, социалистическую систему хозяйства и социалистическую собственность. Они охраняют политические, трудовые, жилищные и другие личные и имущественные права и интересы советских граждан, зафиксированные в статьях и главах Конституции. Они, наши законы, направлены на укрепление и развитие правил социалистического общежития, норм и принципов коммунистической морали.

Вот почему все мы горячо заинтересованы в строгом и сознательном соблюдении советского законодательства; вот почему в эти дни советские люди деятельно участвуют в подготовке к выборам народных судов.

Велики права советских граждан, священны их обязанности.

Постоянно и непосредственно участвуют трудящиеся нашей страны в управлении государством. На каждом шагу мы встречаемся с великой сознательной деятельностью народных масс, сознательно творящих историю. Коммунизм стал реальным делом миллионов тружеников в СССР.

Обратимся вновь к словам Горького. Он говорил, что никто, никогда не умел так великолепно повышать температуру трудовой энергии, как это умеет делать партия, организованная гением Владимира Ленина.

Высока температура нашей трудовой энергии! Могучей волей разливается по стране соревнование за досрочное выполнение плана пятой пятилетки. И во всю 5 декабря по славной традиции советских людей многие коллективы прикладывают к трудовым успехам, рапортуя о выполнении своих повышенных обязательств в социалистическом соревновании. Трудом своим крепим мы могущество Советской державы.

В докладе на Чрезвычайном VIII Всесоюзном съезде Советов в 1936 году И. В. Сталин указал на международное значение Конституции СССР. «Это будет документ», — говорил он, — свидетельствующий о том, что то, что осуществлено в СССР, вполне может быть осуществлено и в других странах».

С того времени прошло 18 лет. Годы тяжелой борьбы и великих побед. Приятно и радостно сознавать, что то, что осуществлено в СССР, осуществляется в других, дружественных нам странах, вступающих на путь социализма, что у нашей Конституции появились родные сестры — Конституции стран народной демократии.

В нынешнем году принята Конституция Китайской Народной Республики. В Конституции КНР записано: «Наша страна уже установила отношения нерушимой дружбы с великим Союзом Советских Социалистических Республик и со странами народной демократии, с каждым днем растет дружба народов нашей страны с миролюбивыми народами всего мира... Борьба за благородные цели мира во всем мире и прогресса человечества является неизменным курсом нашей страны в международных делах».

Могуч и непобедим лагерь мира и социализма, возглавляемый СССР. Под его знаменем объединилось 900 миллионов человек, — и нет на земном шаре такой силы, которая была бы способна повернуть колесо истории вспять и помешать строительству социализма.

На весь мир прозвучали ясные и мужественные слова Декларации Правительства СССР, Польши, Чехословакии, Германской Демократической Республики, Венгрии, Румынии, Болгарии и Албании, принятой 2 декабря на Московском Совещании европейских стран по обеспечению мира и безопасности в Европе.

«Наша народы хотят жить в мире и иметь дружественные отношения со всеми другими народами. Именно поэтому, всемерно отстаивая и дальше интересы мира и всеобщей безопасности, они делают все возможное, чтобы обеспечить дальнейший мирный путь своего развития и должную безопасность своих государств».

Пусть прислушаются к этому голосу миролюбивых народов те, кто стремится развязать войну и агрессию. Пусть помнят — силы наши неисчислимы.

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

# ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

ОРГАН ПРАВЛЕНИЯ СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР

№ 144 (3328)

Суббота, 4 декабря 1954 г.

Цена 40 коп.

СЕГОДНЯ В НОМЕРЕ:  
Декларация Правительств СССР, Польской Народной Республики, Чехословацкой Республики, Германской Демократической Республики, Венгерской Народной Республики, Румынской Народной Республики, Народной Республики Болгарии и Народной Республики Албании (1—2 стр.).  
В. Катаев — Письмо (2 стр.).  
ПРЕДСЕЗДОВСКАЯ ТРИБУНА: В. Маршак — Думайте о нас! (3 стр.).  
К. Чуковский — Мускулатура таланта (4 стр.).  
МЫ УВЕРЕНЫ В СВОИХ СИЛАХ (4 стр.).  
К. С. Причард — Слово к советским друзьям (4 стр.).

## ДЕКЛАРАЦИЯ

### Правительств СССР, Польской Народной Республики, Чехословацкой Республики, Германской Демократической Республики, Венгерской Народной Республики, Румынской Народной Республики, Народной Республики Болгарии и Народной Республики Албании

Представители Союза Советских Социалистических Республик, Польской Народной Республики, Чехословацкой Республики, Германской Демократической Республики, Венгерской Народной Республики, Румынской Народной Республики, Народной Республики Болгарии и Народной Республики Албании, при участии наблюдателя от Китайской Народной Республики, собрались на Совещание в Москве, чтобы рассмотреть положение, которое сложилось в Европе в связи с решениями Лондонского и Парижского совещаний некоторых западных государств.

Правительства государств — участников настоящего Совещания выражают сожаление по поводу того, что не все европейские страны сочли возможным принять участие в обсуждении создавшегося положения. Не приняли в нем участия также инициаторы лондонского и парижских совещаний: Соединенные Штаты Америки, Франция и Англия. Их ответ от 29 ноября свидетельствует о стремлении во что бы то ни стало провести ратификацию парижских соглашений.

23 октября на совещании в Париже были подписаны соглашения, касающиеся Западной Германии, чему предшествовало совещание девяти стран в Лондоне: Соединенных Штатов Америки, Англии, Франции, Западной Германии, Италии, Бельгии, Голландии, Люксембурга, Канады. Эти соглашения предусматривают демилитаризацию Западной Германии и вовлечение ее в военные группировки в Северо-атлантический блок и во вновь создаваемый, так называемый «Западно-европейский союз».

Совсем недавно были предприняты попытки провести восстановление германского милитаризма путем демилитаризации Западной Германии под флагом пресловутого «Европейского оборонительного сообщества». Эти попытки провалились, встретив естественное сопротивление со стороны европейских народов и, прежде всего, французского народа. Теперь восстановление германского милитаризма пытаются провести под другим флагом, причем все делается для того, чтобы с этой целью ускорить ратификацию парижских соглашений.

При таком положении Правительства государств — участников настоящего Совещания считают необходимым обратить внимание всех европейских государств на то, что осуществление парижских соглашений повлечет к серьезному ухудшению международного положения в Европе. Осуществление этих соглашений не только создаст новые, еще большие преграды на пути решения германского вопроса, но и противопоставит одну часть Германии другой ее части, превратит Западную Германию в опасный очаг новой войны в Европе. Вместо того, чтобы содействовать мирному решению германского вопроса, эти соглашения развязывают руки милитаристам и реваншистам в Западной Германии, усиливая угрозу безопасности народов Европы.

Парижские соглашения находятся в прямом противоречии с теми возможностями дальнейшего уменьшения напряженности в международных отношениях, которые обнаружались в последнее время. Благодаря усилиям миролюбивых государств, в середине прошлого года был положен конец войне в Коре. Составившаяся в этом году Женевская конференция содействовала прекращению восьмилетней войны в Индо-Китае и известному урегулированию положения в этом районе. Нельзя не отметить и того, что в Организации Объединенных Наций намечается известное продвижение вперед в переговорах по вопросу о всеобщем сокращении вооружений и запрещении этого оружия. Все это было достигнуто вопреки позиции агрессивных кругов некоторых государств, стремящихся к обострению международной обстановки.

Между тем именно в это время, когда обстановка для урегулирования назревших международных проблем улучшилась, руководители круга ряда государств — участников лондонского и парижских соглашений взяли опасный курс на восстановление германского милитаризма, не считаясь с последствиями этого шага.

Парижские соглашения предусматривают создание полумиллионной западногерманской армии. Численность этих западногерманских вооруженных сил в пять раз превышает размеры армии, разрешенной в свое время для всей Германии по Версальскому мирному договору, хотя известно, что созданный тогда стотысячный германский рейхсвер являлся базой для создания многомиллионной гитлеровской армии.

Германские милитаристы уже теперь не скрывают, что в их расчеты входит дальнейшее развертывание западногерманской армии и доведение ее с 12-ти до 30, а затем до 60-ти дивизий. Создание армии Западной Германии будет на деле означать ее преобладание над армиями других участников «Западно-европейского союза», что неизбежно повлечет к тому, что вооруженные силы, оказавшиеся в руках милитаристов Западной Германии, займут господствующее положение в Западной Европе.

Опасность, связанная с созданием западногерманской армии, видна уже из того, что во главе ее становятся представители генералитета бывшей гитлеровской армии, являвшиеся еще недавно организаторами и соучастниками фашистской агрессии против народов как Восточной, так и Западной Европы.

Вопреки международным соглашениям о ликвидации германского военного потенциала, открыто восстанавливается военная промышленность в Западной Германии. Тяжелая промышленность Рура все более переключается на производство вооружения. Не надо забывать, что речь идет о том самом Рура, который неоднократно являлся главным арсеналом, где ковалась орудия для агрессивных войн германских милитаристов.

Кроме того, парижскими соглашениями открывается путь для проведения атомных исследований, которые делают возможным производство атомного и водородного оружия в Западной Германии, а также для снабжения ее атомным оружием со стороны других государств. В соответствии с этими соглашениями западногерманская армия получает возможность иметь на своем вооружении атомное оружие.

Это значит, что атомное оружие попадет в руки тех, кто совсем недавно, наскакая кровавым гитлеровским «новым порядком», сел на смерть и разрушения в Европе, ставил своей целью уничтожение целых народов. Именно они погубили в лагерях смерти миллионы мирных граждан — поляков, русских, евреев, украинцев, белорусов, французов, сербов, чехов, словаков, бельгийцев, норвежцев и других.

Это значит, что атомное оружие будет находиться в руках тех людей, которые уже в настоящее время заявляют о своих реваншистских планах в Европе. Осуществление этих соглашений в большой степени усилит угрозу истребительной атомной войны с ее тяжелыми последствиями для народов, особенно в наиболее населенных районах Европы.

Расчеты на то, что включение демилитаризованной Западной Германии в западноевропейский военный союз даст возможность удержать рост германского милитаризма в каких-то ограниченных рамках, вызывают законное недоверие у народов Европы. Такие попытки уже делались раньше. Они, однако, потерпели крушение. Нельзя обеспечить мир в Европе, открывая дорогу возрождению германского милитаризма и усугубляя себя изобретением каких-то гарантий против него, неэффективность которых совершенно очевидна. Для обеспечения мира в Европе необходимо, чтобы стало невозможным само возрождение германского милитаризма.

Ремилитаризация Западной Германии означает, что роль и влияние милитаристских и реваншистских сил будет в ней все более возрастать. Непременным следствием такого положения было бы дальнейшее свертывание демократических свобод в Западной Германии и ее превращение в милитаристское государство. Характерно, что в парижских соглашениях не нашлось места для положений об обеспечении демократических прав населения Западной Германии, но зато в них содержится обязательства западногерманских властей принимать законы о «чрезвычайном положении», что явно направлено против демократических прав и свобод населения.

Парижские соглашения, восстанавливая германский милитаризм и предоставляя милитаристам фактическую власть и чрезвычайные права, открывают путь для установления в Западной Германии военной диктатуры. Эти соглашения не только чужды интересам германского народа, но и прямо направлены против немецкого рабочего класса, на уничтожение демократических сил в Западной Германии. Условия, предусматриваемые для Западной Германии парижскими соглашениями, во многом напоминают то положение, которое существовало в Германии незадолго до прихода к власти гитлеровцев. Известно, что имевшаяся у тогдашнего президента Германии Гинденбурга права введения «чрезвычайного положения» были использованы германскими милитаристами для ликвидации демократических прав и свобод, для расправы с рабочими организациями, для установления в Германии фашистской диктатуры.

В парижских соглашениях говорится о «прекращении оккупационного режима» и о предоставлении Западной Германии так называемого «суверенитета». Но в действительности, «суверенитет» Западной Германии, о котором идет речь в парижских соглашениях, сводится к предоставлению западногерманским милитаристам и реваншистам права создания армии, которую инициаторы парижских соглашений рассчитывают использовать в качестве пушечного мяса в своих целях. Вместе с тем, парижские соглашения навязывают Западной Германии протекцию оккупации ее территории войсками США, а также Англии и Франции до 1998 года и предусматривают, таким образом, превращение Западной Германии в основную военный плацдарм, служащий агрессивным целям США в Европе. При таких условиях нетрудно понять, чего стоит заявление о так называемом «суверенитете» Западной Германии, особенно если учесть, что парижские соглашения оставляют в силе все основные положения кабального боннского договора.

Парижские соглашения, вопреки заявлениям, с которыми выступают некоторые государственные деятели западных стран, нельзя рассматривать иначе, как фактический отказ от урегулирования германского вопроса, как отказ на долгие

время от восстановления единства Германии на миролюбивых и демократических началах. Планы ремилитаризации Западной Германии и вовлечения ее в военные группировки в настоящее время являются основной преградой на пути к национальному воссоединению Германии. Это значит, что устранение такой преграды создаст возможность для достижения соглашения четырех держав о восстановлении единства и суверенитета Германии и о проведении для этого свободных общегерманских выборов, с должным учетом интересов германского народа.

На создание западногерманской полумиллионной армии и ее вооружение по расчетам боннских политиков потребуется примерно 100 миллиардов марок, что всей своей тяжестью ляжет на плечи трудящихся Западной Германии и, прежде всего, на плечи рабочего класса, что не может не повлечь за собой резкого снижения их жизненного уровня. Ремилитаризация Западной Германии сулит выгоды лишь крупным западногерманским монополием и тесно связанным с ними крупнейшим монополием США, Англии и Франции, уже теперь предвещающим высокие прибыли от поставок вооружения для вновь создаваемой западногерманской армии. Эти торговцы оружием уже не раз грели руки на войне, которая народам Европы приносила лишь неисчислимые жертвы и лишения.

В настоящее время повторяется то, что имело место до второй мировой войны, когда германские конерны ковали оружие для гитлеровской агрессии при поддержке и прямом участии иностранных и, особенно, американских монополий. Ныне в органах государственной власти США все более сказывается влияние тех капиталистических монополий, которые в свое время способствовали подготовке и развязыванию второй мировой войны.

Парижские соглашения свидетельствуют о том, что и теперь руководящие круги некоторых держав и, прежде всего, Соединенных Штатов Америки делают ставку на возрождение германского милитаризма и пытаются опереться на проведение своих империалистических планов на демилитаризацию Западной Германии. Этими соглашениями создается военный блок агрессивных кругов США, Англии и Франции с германским милитаризмом. Они представляют собой сделку, осуществленную за спиной германского народа, равно как и народов других европейских государств, которых, как известно, при подготовке этих соглашений никто не спрашивал.

Такой агрессивный блок не может служить интересам мира и безопасности в Европе. Его образование обостряет всю обстановку в Европе, во многом усиливает угрозу новой мировой войны.

Создание нового военного блока противоречит Франко-Советскому Договору о союзе и взаимной помощи 1944 года и Англо-Советскому Договору 1942 года о сотрудничестве и взаимной помощи после войны, которые предусматривают принятие Францией, Англией и Советским Союзом совместных мер с тем, чтобы сделать невозможной новую агрессию со стороны германского милитаризма. Это противоречит также международным соглашениям как государств — участников настоящего Совещания, так и других государств, имеющим целью обеспечение мира и безопасности для всех государств Европы. Ремилитаризация Западной Германии и ее вовлечение в военные группировки несомненно и с теми международными обязательствами по недопущению возрождения германского милитаризма, которые приняла на себя Соединенные Штаты Америки, Англия, а затем и Франция по Потсдамскому соглашению. Такое нарушение обязательств, взятых на себя Соединенными Штатами, Францией и Англией по этим договорам и соглашениям, подрывает доверие во взаимоотношениях между государствами и находится в непримиримом противоречии с интересами безопасности народов Европы.

Образование этой новой военной группировки мотивируется тем, будто это необходимо для безопасности государств — участников блока, хотя в действительности этим государствам никто не угрожает. Ремилитаризация Западной Германии и включение ее в военные группировки некоторых западных стран пытаются оправдать тем, будто отношения с Советским Союзом и странами народной демократии следует установить «с позиций силы». При этом деле представляется так, будто такая политика будет содействовать созданию более благоприятных условий для переговоров и разрешения неурегулированных международных проблем. Странники указанной политики, которая уже достаточно себя дискредитировала, не скрывают, что они хотели бы навязывать другим государствам решения, выгодные империалистическим кругам некоторых западных держав. На деле в этом находят свое выражение стремления указанных кругов к установлению мирового господства. Не следовало бы, однако, забывать того, чем кончались такого рода попытки претендентов на мировое господство.

Известно, что военные группировки некоторых европейских государств, направленные против других государств Европы, имели место и в прошлом. Накануне второй мировой войны в лице гитлеровской Германии и фашистской Италии была создана агрессивная военная группировка, к которой присоединилась милитаристская Япония. Организаторы этой группировки, известной под именем «антикоминтерновского пакта», пытались оправдать ее создание «идеологическими» мотивами. На деле, однако, это оказалось ширмой, за которой они пытались скрыть подлинный агрессивный характер этого военного блока, ставившего своей целью достижение мирового господства. Известно, что организаторы этой военной группировки несут главную ответственность за развязывание второй мировой войны.

Повторяется нечто подобное и в настоящее время, когда образование новых военных группировок их организаторы пытаются оправдать ссылками на различие в общественном строе государств. Однако, в их заявлениях столько же правды, сколько было в заявлениях создателей «антикоминтерновского пакта», использовавших этот пакт для подготовки и развязывания последней мировой войны.

Все это говорит о том, что военные группировки некоторых западных государств, с участием ремилитаризованной Западной Германии, какими бы мотивами ни пытались оправдать их создание, не только не могут служить делу мира и безопасности в Европе, но, напротив, серьезно обостряют обстановку в Европе и неизбежно вызовут усиление гонки вооружений со всеми ее опасными последствиями для всех европейских, и не только европейских, государств.

Если на стороне указанных военных группировок в Европе будут увеличиваться армии, военная авиация и другие средства вооружения и дело дойдет до восстановления агрессивного германского милитаризма, то другие государства Европы неизбежно вынуждены будут принять эффективные меры для самозащиты, для предотвращения нападения. Из этого следует, что все государства, заинтересованные в обеспечении мира и безопасности в Европе, должны стремиться не допустить восстановления германского милитаризма, предупредить возможность усиления гонки вооружений и содействовать объединению усилий всех европейских государств в деле обеспечения безопасности в Европе.

Признавая, что урегулирование германского вопроса является главной задачей в деле укрепления мира в Европе, Правительства СССР, Польской Народной Республики, Чехословацкой Республики, Германской Демократической Республики, Венгерской Народной Республики, Румынской Народной Республики, Народной Республики Болгарии и Народной Республики Албании считают, что для решения германского вопроса прежде всего необходимо:

Отказ от планов ремилитаризации Западной Германии и ее вовлечения в военные группировки, что устранит главное препятствие на пути воссоединения Германии на миролюбивых и демократических основах;

Достижение договоренности о проведении в 1955 году общегерманских свободных выборов и образование на этой основе общегерманского правительства единой, демократической, миролюбивой Германии;

Тогда станет, наконец, возможным заключение мирного договора с Германией, что необходимо для упрочения мира в Европе.

Следует признать, что вывод оккупационных войск с территории Восточной и Западной Германии, как это было предложено Советским Союзом, во многом содействовал бы сближению обеих частей Германии и решению задачи восстановления единства Германии.

Обеспечение безопасности в Европе требует, чтобы между заинтересованными державами было достигнуто соглашение по вопросу об объединении Германии, как это соответствует интересам всех миролюбивых народов Европы и самого германского народа. Принятый Соединенными Штатами Америки, Францией и Англией курс на ремилитаризацию Западной Германии и ее вовлечение в военные группировки исключает возможность такого соглашения. Этот курс не только не содействует обеспечению европейской безопасности, но в глазах всех миролюбивых народов является выражением политики, которая угрожает сохранению мира в Европе.

Подлинная безопасность в Европе может быть обеспечена лишь в том случае, если вместо создания замкнутых военных группировок одних европейских государств, направленных против других европейских государств, будет создана система коллективной безопасности в Европе. Такая система безопасности, основанная на участии всех европейских государств, независимо от их общественного и государственного устройства, позволила бы объединить усилия европейских государств в интересах обеспечения мира в Европе. Разумеется, что при этом должно быть обеспечено равновесное участие германского народа в решении этой общоевропейской задачи. В такой системе коллективной безопасности могли бы участвовать и Соединенные Штаты Америки, вместе с другими государствами, несущими ответственность за урегулирование германского вопроса, имеющего решающее значение для обеспечения мира в Европе.

(Окончание на 2-й стр.)

## Всенародное одобрение

По всей стране идут митинги, на которых советские люди горячо одобряют Декларацию, принятую участниками Совещания европейских стран по обеспечению мира и безопасности в Европе. Советские люди заявляют о своей готовности самоотверженным трудом укрепить могущество Родины, сделать все возможное, чтобы спасти человечество от новых ужасов и бедствий войны.

Сталинград говорит о позиции той могучей созидательной силы, которая за девять лет воздвигла город-красавца на территории, где остался лишь щебень; той миролюбивой силы, которая многократно увеличила мощност промышленный предприятия, мощь и красоту очагов культуры; той силы, которая перегораживает гигантский плотный сөөвранную Волгу, чтобы заставить ее служить мирным целям советского народа.

И не отрываться бы мыслям сталинградцев от этих дел, да из-за океана доносятся отзвуки иных мыслей, иных планов: как лучше разрушать, как пошевелить и попользоваться набранным пушечного мяса для новой войны.

Это настораживает советских людей. И сотни тысяч сталинградцев идут на митинги, чтобы коллективно обсудить призывы правительств миролюбивых государств к сохранению мира в Европе, к созданию системы ее безопасности.

Сталинградцы не из тех, у кого слабые нервы. Они многое видели, многое знают. Тракторостроители слушают Декларацию. Речь в ней идет об опасности войны. Война грохотала в этом городе не так давно, была вот здесь! И люди вспоминали бесчеловечный конец гитлеровских «завоевателей». Трупы своих солдат гитлеровцы складывали штабелями — в шесть рядов;

длина штабелей измерялась километрами. Документы о смерти укладывались в ящики, предназначенные для тракторных деталей. Ящики так и отправлялись в Германию с подустертой надписью: «Детали». Вот что обычно остается от захватчиков, претендующих на мировое господство!

Парторг ЦК КПСС на Тракторном заводе Королев комментирует Декларацию, подчеркивая ее от имени Сталинграда историческими справками. На трибуну поднимаются лейтенант Лукьянов, обрубщик Бойко, формовщик Сергеев, мастер бронзового литья Артемов и другие. Они говорят о том, что Советский Союз в содружестве со всеми миролюбивыми народами отстаивает дело мира, что Декларация полностью отвечает жизненным интересам простых людей Европы.

Мы не выпрашиваем мира у агрессоров; мы предупреждаем их, что мир должен быть сохранен! У нас для этого имеются все средства. Остановитесь, пока не поздно!

Ораторы переходят к своим мирным делам: как больше дать тракторов для поднятия новых целинных земель.

И они дадут больше тракторов. Дадут столько, сколько надо! Это говорят сталинградцы, это говорит Сталинград.

Иван ЕГОРОВ  
СТАЛИНГРАД. (Наш корр.)

# ДЕКЛАРАЦИЯ

Правительств СССР, Польской Народной Республики, Чехословацкой Республики, Венгерской Народной Республики, Румынской Народной Республики, Народной Республики Болгарии и Народной Республики Албании

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

Общевосточная система коллективной безопасности должна предусматривать принятие государствами — ее участниками обязательства разрешать все споры, которые могут возникнуть между ними, в соответствии с требованиями Устава Объединенных Наций таким образом, чтобы не ставить под угрозу мир и безопасность в Европе. Эта система должна предусматривать консультации великой державы, по мнению любого из государств-участников, возникает угроза вооруженного нападения в Европе, в целях принятия эффективных мер для устранения подобной угрозы. Для того чтобы быть эффективной, эта система должна предусматривать, что нападение на одно или несколько государств в Европе будет рассматриваться как нападение на всех участников соответствующего общевосточного договора и каждый его участник будет оказывать помощь государствам, подвергшимся нападению, всеми доступными ему средствами, включая применение вооруженной силы, в целях восстановления и поддержания мира и безопасности в Европе.

Создание такой общевосточной системы коллективной безопасности полностью отвечает бы требованиям укрепления международного сотрудничества в соответствии с принципами уважения независимости и суверенитета больших и малых государств, а также невмешательства в их внутренние дела. Создание такой системы коллективной безопасности во многом облегчит бы и возможность разрешения германской проблемы, поскольку оно исключает превращение Западной Германии в милитаристское государство и создает условия, благоприятствующие восстановлению единства Германии.

Организация коллективной безопасности в Европе и объединение Германии на миролюбивых и демократических основах есть тот путь, который обеспечит развитие Германии, как одной из великих держав. В отличие от милитаристского пути, по которому направлялось развитие Германии в прошлом и который неоднократно приводил к самым тяжелым последствиям для германской нации, воссоединение Германии в условиях установления коллективной безопасности в Европе откроет широкие возможности для подъема германской мирной экономики, ее промышленности и сельского хозяйства, для развития широких экономических связей Германии с другими странами, особенно со странами Восточной Европы и странами Азии с их огромным населением и неисчерпаемыми ресурсами. Развитие Германии в условиях мира и при наличии ее развитых экономических связей с другими государствами создало бы для ее промышленности широкие рынки, обеспечило бы занятость ее населения, способствовало бы повышению его жизненного уровня.

Судьба Германии, как великой державы, таким образом, тесно связана с тем, пойдет ли она по пути мирного развития и сотрудничества со всеми другими европейскими государствами, или же она пойдет по пути подготовки новой войны. Путь мирного развития и международного сотрудничества, которым идет Германская Демократическая Республика, ведет к возрождению Германии и ее процветанию. Другой путь, по которому Западной Германии стремятся направить германские милитаристские, ведет к новой войне и, стало быть, к ее превращению в зону огня и истребления.

Все это говорит о том, что подлинные национальные интересы германского народа неотделимы от интересов мира и установления эффективной системы коллективной безопасности в Европе.

Государства-участники настоящего Совещания полностью присоединяются к тем принципам, которые были сформулированы в проекте «Общевосточного договора о коллективной безопасности в Европе», представленном Правительством СССР, и призывают все европейские государства совместно рассмотреть указанные предложения, отвечающие требованиям обеспечения прочного мира в Европе. Они выражают также готовность рассмотреть и любые другие предложения по этому вопросу с целью выработки такого проекта Договора о европейской коллективной безопасности, который был бы приемлем для всех заинтересованных государств.

Государства-участники настоящего Совещания глубоко убеждены в том, что безопасность в Европе, основанная на указанных выше принципах и укрепленная дружественными отношениями между европейскими государствами, позволила бы покончить с таким положением, когда Европа периодически подвергается опустошительным войнам с неисчислимыми жертвами для европейских народов.

В ближайшем будущем в парламентах некоторых западных государств ожидается рассмотрение вопроса о ратификации парижских соглашений. Со стороны официальных кругов некоторых государств все больше усиливается нажим на парламентариев и общественные круги, чтобы навести ратификацию этих соглашений.

В связи с этим Правительство СССР, Польской Народной Республики, Чехословацкой Республики, Германской Демократической Республики, Венгерской Народной Республики, Румынской Народной Республики, Народной Республики Болгарии и Народной Республики Албании считают своим долгом обратить внимание всех европейских государств, и особенно государств — участников парижских соглашений, что ратификация этих соглашений будет представлять собой акт, направленный против сохранения мира и на подготовку новой войны в Европе. Такая ратификация в большей степени осложнит ее положение в Европе и подрывает возможности урегулирования неразрешенных европейских проблем и, прежде всего, германской проблемы.

Ратификация и осуществление этих соглашений, усиливая опасность войны, будут представлять угрозу для национальной безопасности миролюбивых государств Европы и особенно для государств — соседей Германии.

Эта угроза возникает вследствие того, что государства — участники парижских соглашений все больше развертывают свои военные и экономические мероприятия против миролюбивых государств Европы. Теперь они дошли до того, что вступили в военный блок с германским милитаризмом, приступают к осуществлению своими руками реинтеграции Западной Германии, угрожают дальнейшему мирному существованию государств, не участвующих в их военных группировках. Вооруженные силы государств — участников парижских соглашений будут включать теперь западногерманскую армию, возглавляемую гитлеровскими генералами. При таких условиях дальнейшее проведение политики «с позиции силы» будет прямо опираться на возрождающийся германский милитаризм, что во многом приближает опасность новой войны в Европе.

Создавшееся положение ставит в порядок дня задачу объединения усилий государств, представленных на настоящем Совещании, с целью обеспечения своей безопасности. Миролюбивые государства вынуждены предпринять безотлагательные меры к тому, чтобы агрессивным силам указанного военного блока западных держав противопоставить объединенную мощь миролюбивых государств в интересах обеспечения своей безопасности.

Государства — участники настоящего Совещания заявляют о своем решении осуществить, в случае ратификации парижских соглашений, совместные мероприятия в области организации вооруженных сил и их командования, равно как и другие мероприятия, необходимые для укрепления своей обороноспособности для того, чтобы оградить мирный труд их народов, гарантировать неприкосновенность их границ и территории и обеспечить защиту от возможной агрессии.

Все эти мероприятия находятся в соответствии с неотъемлемым правом государств на самооборону, с Уставом Организации Объединенных Наций и с ранее заключенными договорами и соглашениями, направленными против возрождения германского милитаризма и на предупреждение новой агрессии в Европе.

Государства — участники настоящего Совещания договорились вновь рассмотреть положение в том случае, если бы парижские соглашения были ратифицированы, с целью принятия должных мер для обеспечения своей безопасности и в интересах поддержания мира в Европе.

Государства — участники настоящего Совещания полны решимости и впредь настаивать на создании в Европе системы коллективной безопасности, будучи убеждены в том, что только совместные усилия европейских государств способны создать основу для прочного и длительного мира в Европе. С этой целью они и впредь готовы сотрудничать с другими европейскими государствами, которые изъявляют желание идти по этому пути.

Правительства государств — участников Московского Совещания европейских стран по обеспечению мира и безопасности в Европе глубоко убеждены в том, что их политика, направленная на укрепление мира и всеобщей безопасности, а также намеченные настоящим Совещанием мероприятия отвечают интересам наших народов, равно как и интересам всех других миролюбивых народов.

Народы Советского Союза, Польши, Чехословакии, Венгрии, Румынии, Болгарии, Албании и Германская Демократическая Республика заняты мирным созидательным трудом. Их усилия направлены на дальнейший подъем экономики и культуры, на неуклонное повышение жизненного уровня трудящихся и вместе с тем на обеспечение прочной защиты их великих социалистических завоеваний. В мире нет такой силы, которая была бы способна повернуть колесо истории вспять и помешать строительству социализма в наших странах.

Народы наших государств сознают, что парижские соглашения значительно усилили угрозу новой войны. Но они не допустят того, чтобы развитие событий застало их врасплох.

Наличие народы уверены в своих силах, в своих неисчерпаемых ресурсах. Никогда еще силы мира и социализма не были так могучи и не были так сплочены, как теперь. Всекие попытки напасть, развязать войну и нарушить мирную жизнь наших народов встретят сокрушительный отпор. И тогда наши народы, опираясь на сочувствие и поддержку других народов, все сделают для того, чтобы уничтожить силы агрессии и чтобы возмостроилось наше правое, справедливое дело.

Наличие народы хотят жить в мире и иметь дружественные отношения со всеми другими народами. Именно поэтому, всемерно отстаивая и дальше интересы мира и всеобщей безопасности, они делают все необходимое, чтобы обеспечить дальнейший мирный путь своего развития и долговременную безопасность своих государств.

От Союза Советских Социалистических Республик — В. МОЛОТОВ  
От Польской Народной Республики — Ю. ЦИРАНКОВИЧ  
От Чехословацкой Республики — В. ШИРОКИЙ  
От Германской Демократической Республики — О. ГРОТЕВОЛЬ  
От Венгерской Народной Республики — А. ХЕГЕДЮС  
От Румынской Народной Республики — К. СТОЙКА  
От Народной Республики Болгарии — А. ЮГОВ  
От Народной Республики Албании — М. МУФТИУ

МОСКВА, 2 декабря 1954 года.

# ПИСЬМО

ФРАГМЕНТ ИЗ НОВОГО РОМАНА

...Выяснилось, что мальчишкам нельзя ехать за границу в гимназической форме, а полагалось быть в «штатском».

Для Павлика это решилось просто. У него сохранились прошлогодние, «догимназические» вещи — короткие штанишки и метаска. И да еще, быть с Петей? Неплохо бы парадить четырехдальнего мальчишка во взрослый костюм — с пиджаком, жилетом и галстуком. Но и детский костюмчик с короткими штанишками, конечно, тоже не годился. Нужно было найти что-то среднее. И Петя, уже весь охваченный лихорадочной нетерпением, придумал себе наряд, несомненно, навеянный иллюстрациями к Жюль Верну или Майн-Риду. Это было, по мысли Петю, нечто вроде костюма гардерма — длинные гимназические брюки и матроска, но не детская матроска, как у Павлика, а настоящая флотская, в которой фланель и фланель.

Соорудить такую матроску оказалось весьма трудно. Ни одна модистка, привыкшая шить на детей, и ни один портной, привыкший работать на взрослых, никак не могли понять, что от них требуется. Петя, который уже так живо представлял себя в виде гардерма, был в полном отчаянии. Выручил Гаврик. Он посоветовал сходить в швальню морского батальона, где у него были знакомства среди матросов хозяйственной команды. В каких только местах не было у него знакомых!

Швальня помещалась в так называемых Сабаанских казармах — огромном старинном здании с белыми колоннами. Внутренний двор, громадный, как площадь, испугал Петю своей злобной крепостной пустотой, пирамидами старинных чугунных ядер, якорями, гимнастическими параллельными брусьями и маточ с пестрыми сигнальными флажками. На скамейке под колоколом сидел матрос в бескозырке — девятилетний.

— Не дрейфи, — сказал Гаврик, заметив, что Петя в нерешительности остановился. — Здесь всё свои люди.

Они поднялись по старинной каменной лестнице с вытертыми ступенями на второй этаж и очутились в казарменном коридоре — темном и холодном, как склеп, что особенно сильно чувствовалось после майского полуденного зноя, ослепительного сияющего наружи.

Гаврик уверенно нашел в потемках какую-то дверь, и мальчишка вошел в сводчатую комнату с такими полами, какими, что до окон, в нишах трехаршинной толщены с трудом пропущали дневной свет, хотя и выходил прямо в сияющее море, как раз против Карантинной гавани и белого рейдового маяка, окруженного чайками, который отчетливо светился на фоне взволнованной синеватой воды.

За большой швейной машиной сидел матрос с красными погонами береговой службы и, качая босыми ногами чугунную педаль, строчил край шерстяного сигнального флага. Множество других сигнальных флагов целой горой лежало в углу комнаты.

Увидел Гаврика, матрос перестал строчить. На его потном лице, сильно испорченном оспой, появилась улыбка, но, заметив за спиной Гаврика незнакомого гимназиста, матрос вопросительно поднял колесистые брови.

— Ничего, это тот самый чудак, который меня учит латинскому, — сказал Гаврик, из чего Петя мог заключить, что матросу хорошо известны все обстоятельства жизни Гаврика.

— Что скажешь новенького? — спросил матрос.

Ничего особенного, — ответил Гаврик, — я как раз сегодня закончил до вас не по тому делу, а совсем по другому. Можете вы пошить человеку, — Гаврик показал головой на Петю, — флотскую фланельную казенного образца? — Материала подходящего нет.

— У него есть. Петя, покажи ему материал.

Петя подал сверток. Матрос раскинул на руках плотную, но легкую и мягкую шерстяную ткань глубокого темносинего цвета.

Богатый материал, — сказал Гаврик, — из чего шить? — спросил матрос.

Петя сказал цену, и матрос со значительным переключился к Гаврику. — Не, — сказал Гаврик, — не думайте. Его батка обыкновенный учитель. Они живут не слишком. Даже иногда нуждаются. Но у них как раз подошел такой случай, что непременно требуется пошить парнишке специальную фланельку.

И Гаврик с удивлением Петю точностью и осведеленностью рассказывал, что Петя пошел в батка. Петя собрался ехать учитель Бачей со своим сыновьями. При этом Петя показалось, что Гаврик и матрос несколько раз понимают переключился.

Может быть, мальчик и не обратил бы на это внимания, если бы уже нечто подобное не случилось на Бляжниках Мельничках, куда Петя приходил давать Гаврику очередной урок латинского языка. Тогда, возмущенный присутствием Моти, которая до сих пор продолжала смотреть на Петю, как на существо высшее, — с робостью тайного обожания, — мальчик рассектал. Он стал с жаром описывать предстоящее путешествие. Не жалея самых ярких красок и географических названий. Когда он дошел до красот Швейцарии, Терентий сначала незаметно переключился к Гаврику, а потом с горем — худым чахоточным рабочим в длинных сапогах и черной сатиновой ковсворотке под засаленным пиджаком.

Перехватив взгляд Терентия, незнакомый рабочий отрицательно мотнул головой и пробормотал: «Нет, он сейчас уже не там», — или что-то в этом роде. И вдруг спросил Петю, глядя на него в упор очень серьезно: «А Фанцию вы посетит, не собираетесь? В Париже не будете?»

И когда Петя сказал, что если хватит денег, наверное, съездит и во Францию, то незнакомый рабочий опять многозначительно посмотрел на Терентия, но больше они уже ничего у Петю не спрашивали.

Вообще Петя заметил, что предстоящая поездка за границу вызвала у Гаврика и почти у всех людей его круга на Бляжниках Мельничках какой-то особый, скрытый интерес, смысла которого он не понимал.

Вот и теперь. Матрос и Гаврик тоже переключались. Впрочем, подумал Петя, может быть, всегда так бывает с челове-

ком, собирающимся ехать за границу. Петя еще не вышел из своего родного города, а уже стал испытывать чувства доверия, подстерегающего на каждом шагу. Он вдруг попал в какой-нибудь переулок, где еще ни разу в жизни не был, и с изумлением путешественника видел кафельный дом или палисадник, на который раньше никогда бы не обратил внимания.

Сколько раз он, например, проходил мимо круглых ворот Сабаанских казарм, совсем не подозревая, что за этими воротами есть какой-то новый, ни на что не похожий мир знойного, пустынного двора с ядрами и якорями и есть какая-то швальня, где матрос шьет на машине шерстяные сигнальные флаги, и есть гардинные окна в глубоких сводчатых нишах отсюда совсем по-новому, дико и незнакомо виднеется море, виднеется в какую-то еще более новую, незнакомую даль.

Осмотрев и похвалив материал, матрос согласился пошить Петю фланельку, но заломил Петю рублей. Решительно отстраняя Петю рукой, Гаврик серьезно посмотрел на матроса, укоризненно покачал головой и сказал, что один рубль — это чересчур. Они торгались до тех пор, пока матрос, наконец, согласился на два рубля, и то лишь потому, что Петя «два человека». Что он при этом имел в виду, Петя тоже не совсем понял.

Затем матрос вытер рукавом крышку большого флотского судна, сказал мальчишкам: «Скажите, хлопцы», — и принес медный чайник с кипяточком. Они напился чаю в прикуску из жестяных кружек и наелись очень хорошего жидкого хлеба, который матрос ловко и крупно нарезал, принимая буханку за вышуклой груди.

Во время чаепития Гаврик и матрос вели между собой степенную беседу, из которой Петя заключил, что матрос — хорошо знаком с семьей Терентия и является дальним родственником со стороны его покойной матери. Беседа шла все больше вокруг семейных и материальных вопросов. Но по нескольким недомолвкам и случайным фразам Петя понял, что между дядей Федором и Терентием, кроме чисто семейных, существуют и еще какие-то другие связи. Смысл их он уловить не мог, а только смутно почувствовал, что на него пахнуло чем-то забытым: грозным и тревожным воздухом «пятютого года».

На прощание дядя Федор обмерил Петю ветхим клеенчатый санитарию, обдушил пальцами цифрами, пообещал сдать фланельку через три дня и обещание свое исполнил. Сверх того, из остатков материала он даром пошил мальчишке еще матросскую шапку и надел на нее старую георгиевскую ленту с двумя длинными концами.

Петя посмотрел на себя в маленькое, неровное, как бы сделанное из жесты зеркало, висевшее на стене швальни рядом с цветным портретом Шевченко, вырезанным из обложки «Кубзаря», и не мог скрыть счастливой самодовольной улыбки, поползшей по его лицу до самых ушей.

Таким образом, вопрос о Петиную одежде решился вполне благополучно.

Несомненные затруднения начались при получении заграничного паспорта из канцелярии градоначальника. Нужно было представить справку о политической благонадежности. Это оказалось не так просто. Василий Петрович написал прошение, и через четыре дня на квартире Бачей явился субэнт из Александровского участка с двумя понятиями для того, чтобы произвести дознание. Уже одно это слово — дознание — вызвало у Василия Петровича глухое расстройство. Когда же субэнт из участка расцелся в столовой, разлил на обеденной скатерти свои грязные потогонные панчи и казенную чернильницу-испробуйку и стал официальным тоном задавать Василию Петровичу глупейшие вопросы: какого он пола, возраста, вероисповедания, чина, звания и прочее, — Василий Петрович чуть было не вспылил, но взял себя в руки и выдержал из двухчасового испытание. Он поставил под дознание свое подпись рядом с кривой подписью некоего Петровича Глухого расстройство. Когда же субэнт из участка расцелся в столовой, разлил на обеденной скатерти свои грязные потогонные панчи и казенную чернильницу-испробуйку и стал официальным тоном задавать Василию Петровичу глупейшие вопросы: какого он пола, возраста, вероисповедания, чина, звания и прочее, — Василий Петрович чуть было не вспылил, но взял себя в руки и выдержал из двухчасового испытание.

Он поставил под дознание свое подпись рядом с кривой подписью некоего Петровича Глухого расстройство. Когда же субэнт из участка расцелся в столовой, разлил на обеденной скатерти свои грязные потогонные панчи и казенную чернильницу-испробуйку и стал официальным тоном задавать Василию Петровичу глупейшие вопросы: какого он пола, возраста, вероисповедания, чина, звания и прочее, — Василий Петрович чуть было не вспылил, но взял себя в руки и выдержал из двухчасового испытание.

Он поставил под дознание свое подпись рядом с кривой подписью некоего Петровича Глухого расстройство. Когда же субэнт из участка расцелся в столовой, разлил на обеденной скатерти свои грязные потогонные панчи и казенную чернильницу-испробуйку и стал официальным тоном задавать Василию Петровичу глупейшие вопросы: какого он пола, возраста, вероисповедания, чина, звания и прочее, — Василий Петрович чуть было не вспылил, но взял себя в руки и выдержал из двухчасового испытание.

Он поставил под дознание свое подпись рядом с кривой подписью некоего Петровича Глухого расстройство. Когда же субэнт из участка расцелся в столовой, разлил на обеденной скатерти свои грязные потогонные панчи и казенную чернильницу-испробуйку и стал официальным тоном задавать Василию Петровичу глупейшие вопросы: какого он пола, возраста, вероисповедания, чина, звания и прочее, — Василий Петрович чуть было не вспылил, но взял себя в руки и выдержал из двухчасового испытание.

Он поставил под дознание свое подпись рядом с кривой подписью некоего Петровича Глухого расстройство. Когда же субэнт из участка расцелся в столовой, разлил на обеденной скатерти свои грязные потогонные панчи и казенную чернильницу-испробуйку и стал официальным тоном задавать Василию Петровичу глупейшие вопросы: какого он пола, возраста, вероисповедания, чина, звания и прочее, — Василий Петрович чуть было не вспылил, но взял себя в руки и выдержал из двухчасового испытание.

Он поставил под дознание свое подпись рядом с кривой подписью некоего Петровича Глухого расстройство. Когда же субэнт из участка расцелся в столовой, разлил на обеденной скатерти свои грязные потогонные панчи и казенную чернильницу-испробуйку и стал официальным тоном задавать Василию Петровичу глупейшие вопросы: какого он пола, возраста, вероисповедания, чина, звания и прочее, — Василий Петрович чуть было не вспылил, но взял себя в руки и выдержал из двухчасового испытание.

Он поставил под дознание свое подпись рядом с кривой подписью некоего Петровича Глухого расстройство. Когда же субэнт из участка расцелся в столовой, разлил на обеденной скатерти свои грязные потогонные панчи и казенную чернильницу-испробуйку и стал официальным тоном задавать Василию Петровичу глупейшие вопросы: какого он пола, возраста, вероисповедания, чина, звания и прочее, — Василий Петрович чуть было не вспылил, но взял себя в руки и выдержал из двухчасового испытание.

Он поставил под дознание свое подпись рядом с кривой подписью некоего Петровича Глухого расстройство. Когда же субэнт из участка расцелся в столовой, разлил на обеденной скатерти свои грязные потогонные панчи и казенную чернильницу-испробуйку и стал официальным тоном задавать Василию Петровичу глупейшие вопросы: какого он пола, возраста, вероисповедания, чина, звания и прочее, — Василий Петрович чуть было не вспылил, но взял себя в руки и выдержал из двухчасового испытание.

Он поставил под дознание свое подпись рядом с кривой подписью некоего Петровича Глухого расстройство. Когда же субэнт из участка расцелся в столовой, разлил на обеденной скатерти свои грязные потогонные панчи и казенную чернильницу-испробуйку и стал официальным тоном задавать Василию Петровичу глупейшие вопросы: какого он пола, возраста, вероисповедания, чина, звания и прочее, — Василий Петрович чуть было не вспылил, но взял себя в руки и выдержал из двухчасового испытание.

Он поставил под дознание свое подпись рядом с кривой подписью некоего Петровича Глухого расстройство. Когда же субэнт из участка расцелся в столовой, разлил на обеденной скатерти свои грязные потогонные панчи и казенную чернильницу-испробуйку и стал официальным тоном задавать Василию Петровичу глупейшие вопросы: какого он пола, возраста, вероисповедания, чина, звания и прочее, — Василий Петрович чуть было не вспылил, но взял себя в руки и выдержал из двухчасового испытание.

Он поставил под дознание свое подпись рядом с кривой подписью некоего Петровича Глухого расстройство. Когда же субэнт из участка расцелся в столовой, разлил на обеденной скатерти свои грязные потогонные панчи и казенную чернильницу-испробуйку и стал официальным тоном задавать Василию Петровичу глупейшие вопросы: какого он пола, возраста, вероисповедания, чина, звания и прочее, — Василий Петрович чуть было не вспылил, но взял себя в руки и выдержал из двухчасового испытание.

Он поставил под дознание свое подпись рядом с кривой подписью некоего Петровича Глухого расстройство. Когда же субэнт из участка расцелся в столовой, разлил на обеденной скатерти свои грязные потогонные панчи и казенную чернильницу-испробуйку и стал официальным тоном задавать Василию Петровичу глупейшие вопросы: какого он пола, возраста, вероисповедания, чина, звания и прочее, — Василий Петрович чуть было не вспылил, но взял себя в руки и выдержал из двухчасового испытание.

— Взятку? Ни за что! — закричал Василий Петрович, когда Петя передал ему своего друга. — Никогда до этого не унимусь!

И все-таки, окончательно истерзанный волантой, он, в конце концов, уступил. После этого все сразу волшебным образом изменилось: не только в один миг было получено свидетельство о благонадежности, но был получен и самый заграничный паспорт, который принесли из Александровского участка прямо на дом.

Теперь оставалось лишь купить билеты и отправиться с богом. Так как же решиться ехать на итальянском пароходе Ллойд Триестино, то уже в самой покупке билетов было как бы нечто в высшей степени загадочное. В конторе пароходной компании, расположенной в самом Воронцовском дворце, то есть в самой феенбелой части города, наших будущих путешественников встретили с такой почтительной любезностью, с такими корректными поклонами, что Петя даже показалось, что их принимают за кого-то другого.

Господин в серой визитке, с крупной жемчужиной в галстук оригинального рисунка «павлиний глаз» усидил их в очень глубокие кубические кожаные кресла вокруг маленького стола красного дерева. На этом зеркально полированном столе в художественном беспорядке лежали различные узкие иллюстрированные проспекты Ллойда на разных языках, превосходно отпечатанные на меловой бумаге. Здесь были фотографии многоэтажных отелей, пальм, античных развалин и океанских пароходов. Петя увидел маленьких белых Ромула и Рема, прильнувших к зубчатый соскам белого волчицы; крылатого льва святого Марка; Везувий с знойной пиной на переднем плане; рыбью шку с Миланского собора; косяку Пианиску башню — все эти разнообразные символы ит-ляньских городов, которые сразу перенесли мальчишка в мир заграничного путешествия.

К этому же миру, несомненно, принадлежала и сама контора, где вместе со всеми своими цветными платочками, тарелками, раскрасочными бюро и шкафиками палисандрового дерева, корабельными хронометрами вместо обыкновенных часов, моделями пароходов в стеклянных ящиках, портретами итальянского короля и королевы и с самим господином в серой визитке, который с такой изысканной вежливостью тараторил на ломаном русском языке, продавая Василию Петровичу красивые билеты второго класса с продовольствием от Одессы до Неаполя, и время от времени поглаживая Павлика по стриженной головке, называя его с нежной улыбкой «маленький сын» турки.

С этого времени Петя не ставляло чувство, что они уже путешественники. Когда, наконец, приобрели билеты и получили сверх того бесплатно целый ворох путеводителей и проспектов, взволнованные, они вышли из конторы Ллойда, то Николаевский бульвар представлялся Петю приморским бульваром какого-то заграничного города, а хорошо знакомый мамантню Дюку де Рипшеле с чугунной бомбой в козле — одной из его главных достопримечательностей, на которую надо не просто смотреть, а которую уже надо «осматривать». Этому чувству соответствовал также вид порта, раскинувшегося внизу под бульваром, со множеством иностранных флагов, по которым струился широкий морской ветер.

Наконец наступил день отъезда. Пароход отходил в четыре часа полудни. В половине второго Дуно послали в вокзал за двумя извозчиками. На одно из уселись провозавшая их тетя в мантильке и шляпке с незабудками вместе с онемевшим от волнения Павликом, на другого — Василий Петрович с Петей, с альпийскими мешками и непомерно раздутым клеенчатым саквояжем.

Уличные зеваки и разносчики стояли вокруг извозчиков, громко обсуждая события. Дуня в новом коленированном платье плакала, утирая глаза фартуком. Василий Петрович похлопал себя по карманам, севебывлаженного чусевого пиджака, проверяя, не забыл ли он чего-нибудь, сдал соломенную шляпу с черной лентой, перекрестился и с наигранной добротой сказал:

— Трогай!

Толпа расступилась, извозчики тронулись, и Дуня заплакала еще громче.

Ощущение уже начавшейся заграничной не оставило Петю. Для того, чтобы поехать в порт, нужно было проехать через весь город, пересечь его центр — самую богатую торговую часть. Только сейчас Петя обратил внимание на то, как сильно изменился город за последние несколько лет. Прозрачный характер знойного нороксийского города с небольшими рапунчиковыми домами под черепицей «старой», с деревьями грецкого ореха и шелковицы во дворах, с яркими разноцветными будками красников, греческими кофейнями, табачными лавочками, ренсковыми погребками с белым фарфором в виде виноградной кисти над входом сохранился во всей своей неприкосновенности лишь на окраинах.

В центре же царил дух европейского капитализма. На фасадах банков и акционерных обществ сверкали черные стеклянные доски со строгими золотыми надписями на всех европейских языках. В зеркальных витринах английских французских магазинов были выставлены дорогие, элитные вещи. В полуподвалах газетных типографий выли ротационные машины и стрекотали линогиты.

Пересекая Греческую улицу, извозчики остановились, испуганно придерживая лошадей, и пропустили мимо себя новенький, сверкающий вагончик электрического трамвая, с ролика которого сыпались трескучие искры. Это была первая линия, проведенная бельгийским акционерным обществом между центром города и торгово-промышленной выставкой, недавно открытой на приморском пустыре за Александровским парком.

На углу Ланкероновской и Екатеринбургской, против громадного европейского кафе Фанкони, где на парижский манер прямо на тротуар, под тентом среди зеленых калод с лавровыми деревьями, за мраморными столбами сидели в панталонах биржевики и хлебные маклера, на извозчике с тетей и Павликом чуть не залетел красный фыркающий автомобиль «Дюн-Буто», которым управ-

лал последний преставленный фирмы «Братия Пташинковы», чудовище толстый молодой человек, похочий на высочайшую йорксийскую свинью.

Лишь когда стали спускаться в порт и поехали мимо обгоркой, ноленек, лавочек старьевщиков, мимо вонючих щелей, где в сумрачной тени спали народ на земле или играли в карты те страшные люди с землесто-картофельными лицами и в таких же землястых ломотях, которые назывались «босьями», — дух европейского капитализма кончился, хотя и ненадолго, так как почти сейчас же снова предстал в виде серых пакугазов из рифленого железа, коммерческих агентств, высоких штабелей ящиков и мешков, представлявших целый город с улицами и переулками, и наконец, пароходов разных национальностей и компаний.

Узнаши у карантинного назрвателя, где грузится пароход «Палермо» Ллойда Триестино, извозчики поехали по мостовой в конец мола Практической гавани и остановились возле очень большого, хотя и в великом разочаровании мальчишек, однотрубного парохода с нарядным итальянским флагом за кормой.

Как и следовало ожидать, Бачей приехали слишком рано, чуть ли не за полчаса часа до третьего гудка. Еще полным ходом шла погрузка и стрельы мощных паровых лебедок вертели во все стороны, опуская в трюм на цепях стальные ящики и целые грозды связанных вместе цонок. Пассажиры еще не пускаясь, да, впрочем, их и не было, крошечные, худощавые, как-то не в тон турой, не то персов в чалмах, которые неподвижно и молчаливо сидели на своих помпках, завернутых в ковры.

Вдруг Петя увидел Гаврика, который шел к нему, размахивая цветистой веткой белой акации. Петя не поверил своим глазам. Неужели Гаврик пришел его проводить? Это было совсем не в характере Гаврика.

— Ты чего пришел? — спросил Петя сурово.

— А провозать, — ответил Гаврик и с великодушным пренебрежением подал Петю ветку акации.

— Ты что: дурачок? — смущенно спросил Петя.

— На, — ответил Гаврик.

— А что же?

— Я твой ученик. Ты — мой учитель. А Терентий говорит, что своих учителей надо уважать. Скажешь, нет? — И в глазах Гаврика мелькнула острая, пытливая улыбочка.

— Кроме шуток, — сказала Петя.

— Кроме шуток, — согласился Гаврик, и крепко взял Петю за локоть цепкой рукой, серьезно сказал: — Есть дело. Придётся, — И они шагаючи вдоль пристани, чуть не наступая на ленивых портовых голубей, которые стали ходить по мостовой, поклевывая кукурузные зерна.

Дойдя до конца, мальчишки сели на громадных трехлапый якорь. Гаврик огляделся со сторонам и, увидевшись, что поблизости никого нет, забрал, как бы продолжая прерванный разговор:

— Значит так. Сейчас я тебе дам письмо, ты его спрячешь, а когда вы приедете куда-нибудь за границу, ты на него наклеишь заграничную марку и бросишь в почтовый ящик. Только, конечно, не в Турцию, потому что это одна шайка. Лучше всего в Швейцарию или в самой Франции. Можешь ты это для нас сделать?

Петя с удивлением смотрел на Гаврика, стараясь понять, шутит он или говорит серьезно. Но у Гаврика было такое деловое выражение лица, что сомневаться не приходилось.

Вера МАРЕЦКАЯ

Думайте о нас!

РАЗГОВОР в ДРАМАТУРГАМИ

Ответ на реплики

Когда «Литературная газета» попросила меня высказаться по поводу современного состояния нашей драматургии, я почувствовала, что мне трудно заставить себя вновь поднять эту старую тему, как ни важна она для каждого из нас...

В жизни театра за последнее время как будто бы ничего не изменилось. Ежедневно в 11 часов утра — репетиция, положенное число раз — премьера, аплодисменты, вывозы, даже банкеты. И вот работаешь добросовестно, репетируешь и играешь, и день загружен так, что времени свободного не остается, но в душе не можешь не сознавать, что это труд вопреки, вопреки, что, делая нужное дело, мы все же делаем его хуже, чем могли бы, чем народ вправе требовать от нас.

Я вспоминаю один разговор, который случился несколько лет назад. Летчик, узнавший меня в числе пассажиров, вызвал показать мне управление самолета. У нас завязалась беседа. И вот что я от него услышала: «Вы знаете, недавно я отряд в часть привезал один известный артист и мы все так ждали: кто же он нам скажет? А он взял да как-то ничего нам и не сказал!.. И этого летчика не могу забыть, потому что нельзя сформулировать ту же мысль яснее. Ведь упомянутый артист тоже, наверное, что-то читал, играл и думал, что все обстоит благополучно. И все-таки по большому счету он ничего не сказал своим зрителям. Вот это «ничего не сказал» нежелательно часто случается с нами в последнее время.

Я выхожу на сцену в роли редактора в «Шпире» или в роли Варвары в «Варваре Волковой», и зритель знает, что это Марецкая, которая была уже и Машенькой, и «членом правительств», и «сельской учительницей», и Надеждой Дуровой. И он ждет: «Что-то она нам скажет!». А я не говорю ничего интересного. Ни в первом акте, ни во втором, потому что драматург лишил меня голоса, заставил разговаривать шепотом, хрипло, невнятно. Ожидания зрителя обмануты. И это — самое горькое в профессиональной жизни многих актеров сегодня.

Трилогия о Максиме начиналась двадцать лет назад, но еще этим летом на одну подмосковную дачу, куда заезжал Б. Чирков, явилась вагата деревенских ребятшек с вопросом: «Тетьна, правда ли, что у вас был Максим?». Образ, созданный актером, живет десятилетиями и делает свое дело, а тот же актер десятилетиями молчит, хотя, как все мы, что-то играет, в чем-то снимается и занят по целым дням. Недавно мы снова увидели Чиркова в кинофильме «Верные друзья»; оказалось, что попрежнему свеж его талант, что сам он — живой и жизнеспособный, готовый к большой работе художник. Почему же мы не слышали о нем столько лет?

Если останешься какая-нибудь нефтяная вышка, если шахта перестанет давать добычу, а потом окажется, что нефть и уголь в них есть, не искали, что их только взять не сумели, — привлекут к ответу всех, кто в этом виновны, и каждый из них получит по заслугам. А в театре таких бездействующих

вышек много, за их простотой нужно также высказываться в общественном порядке, с драматургов — в первую очередь. Сейчас часто говорят о том, что у нас плохо исполняются творческие резервы, что среди пьес советских авторов многие незаслуженно и раньше срока забыты. Это очень справедливо — старые пьесы имеют все права на существование в нашем репертуаре, но рядом с пьесами новыми, а не вместе них. Можно только приветствовать активность и инициативу театров, вернувших жизнь многим талантливым произведениям драматургии, но нельзя не видеть, что эта активность не случайно приходится как раз на наши дни, когда хороших новых пьес нам не хватает.

Я не хотела бы показаться читателям этой статьи пессимисткой, видящей в сегодняшнем дне искусства одни только темные стороны. Вместе со всеми я радуюсь успеху постановки арбузовской пьесы «Голы странствий» в Театре имени Ленинского комсомола, второму рождению «Журбиных» в Театре имени Вл. Маяковского. Надеюсь и верю, что сейчас, когда я пишу эти строки, в письменных столах наших авторов уже лежат пьесы, способные снять все беспокойство за будущее театра. Но все же сегодня, приветствуя отдельные интересные драматургические заметки, удавшиеся образы, выхваченные из жизни конфликты, я не могу назвать действительно крупную, этапную пьесу на современном тему. И лучше говорить об этом прямо, чем закрывать на это глаза.

И вот, когда я в свою очередь задумываюсь о том, почему так не часты сейчас удачи в драматургии, я прихожу к мысли, что некоторые наши драматурги как-то внутренне отделились от своего героя, перестали близко к нему присматриваться, его изучать. У нас не всегда понимаем, что в живом герое — все дело, не всегда помнят мудрые слова Горького о том, что если в произведении твердо очерчен характер, то столкновение их неизбежно, они обязательно вступят в конфликт.

Мы все помним плечики Наташи Ростовской, эти удивленные плечики на ее первом в жизни бальне. Мы помним ее походы за каждой и ночной разговор с Соней на подоконнике, и то, как эта барышня пляшет русскую, и еще многое-многое другое. Мы помним все это потому, что Толстой любил Наташу, знал ее близко, видел поэтически все, связанное с ней. Вот это дело, человеческое, это радостно играть.

Когда я впервые познакомилась с пьесой «Седая девушка», я увидела в ней только драму — жестокую драму бесправного и забытого крестьянства в феодальном, помещичьем Китае. Но вот советский режиссер С. Герасимов развил в пьесе и другой мотив. Когда наступает новый год и в жилище бедняка собираются близкие люди, такая любовь и нежность друг к другу льется из их глаз, такая чистая радость у них из-за скромной красной ленты и двух фунтов муки, что это на весь спектакль определяет наше отношение к героям, у которых такие прекрасные сердца и которые так незаслуженно обделены

так, чтобы это будило живые и яркие чувства зрителей. Советские люди — люди в полном смысле этого слова, и ничто человеческое им не чуждо: ни любовь, ни страдания, ни горе, ни радость, ни заблуждения, ни мечты; но они — советские люди, и поэтому люблю, самую старую, «вечную» ситуацию они решат так, как никто, кроме них, не решит, проявляясь при этом в своем новом, советском качестве, обнаруживая новое, прежде невиданное содержание своих мыслей и чувств. И чем этот сплав человеческого и социального в герое крепче, неустойчивее, органичнее, тем больше в нем правды, тем образ понятнее зрителю, тем легче актеру его играть.

Вот — «Машенька» А. Афиногенова. Каждому понятна драма этой одинокой, заброшенной девочки, у которой не оказалось дома, которая поначалу ни матери, ни деду не нужна. Ситуация старая, возможная и при другом общественном строе, в другой стране; но то, как она изживается в пьесе, возможно только у нас, потому что у нас не проходит мимо горя ребенка, хоть на время лишеного отца и семьи. Это волновало, потому что за авторским образом стояла и большая мысль и подлинная правда живых человеческих переживаний. Не потому ли роль «пошла» у меня с первой же репетиции?

Александр Соколов в сценарии К. Виноградского и в кинофильме «Член правительства» — это ясная судьба, хотя судьба далеко не легкая. Раз понять, что жить попряжнему нельзя, что все на селе нужно перестроить, она стала делать эту новую жизнь своими собственными руками. Про Александру нельзя сказать, что она идет своей дорогой. Она идет своею дорожкой, продвигаясь вперед через рывки, кочки, ухабы к большому будущему государственного деятеля, депутата Верховного Совета.

В райком — с ребенком, гонимая за лодырями в поле, упала, порвала платье, может быть, единственное, нелегко доставшееся; с писемом — затруднение: грамоты не хватает; на свадьбе выжила и сплелась лихо, по-русски, а потом бредет деревенской узницей и тоскует о муже, и горько ей возвращаться в свой пустой, одинокий дом; а вот уже она снова веселая, снова светлый природный юмор позволяет ей строить жизнь, — и все это теплое, человеческое, это радостно играть.

Когда я впервые познакомилась с пьесой «Седая девушка», я увидела в ней только драму — жестокую драму бесправного и забытого крестьянства в феодальном, помещичьем Китае. Но вот советский режиссер С. Герасимов развил в пьесе и другой мотив. Когда наступает новый год и в жилище бедняка собираются близкие люди, такая любовь и нежность друг к другу льется из их глаз, такая чистая радость у них из-за скромной красной ленты и двух фунтов муки, что это на весь спектакль определяет наше отношение к героям, у которых такие прекрасные сердца и которые так незаслуженно обделены

И я обращаюсь с горячей просьбой: Товарищи драматурги! Думайте, пожалуйста, побольше о нас! Государственно думайте о нас! Любите героев, которых вы пишете, узнавайте их ближе, интимнее, чтобы мы, актеры, видели их ясно, чтобы мы могли их правдиво сыграть!

И я говорю это не только от своего имени. Я уверена, что к этой моей просьбе присоединятся Гиндицина и Раневская, Скопина и Бабанова, Хорькова и Гринченко и другие представители женского, да и мужского «сообщества», подчас так же обделенные хорошими ролями, как мы.

простым человеческим счастьем. Я вижу принципиально важные черты в подобном прочтении пьесы советским режиссером. Я хотела бы, чтобы в нашей драматургии постоянно присутствовала эта правда и поэзия обыкновенного, эта скрытая красота человека. Потому что все самое высокое в искусстве для меня неизменно связано с простотой.

Но вот недавно мне предложили роль в одной пьесе, где героиня сперва заблуждается, а потом признает свою ошибку, и я отказалась ее играть. Отказалась не потому, что ситуация пьесы неправдива и невозможна в жизни, а потому, что все те «кавишеские грешнички», с которыми мне доводилось встречаться, — а это было уж несколько раз, — отталкивали меня своей надуманностью, неясностью того исходного мотива, в силу которого они так упростились в заблуждениях или ошибках.

Варвара Волкова, например, вообще не может объяснить причин, побуждающих ее не допускать в лабораторию инженера Подгорного. «И органически не выношу этого человека», — вот и все, что предположено мне А. Софроновым в качестве аргумента. Я пропущу эту фразу очень старательно, я попробую «взять реванш» в хорошо написанном драматургом сцене с мужем, и все-таки зритель не может простить мне того, что эта женщина, прощая говоря, блажит и в финале пьесы прощает прощения за блажь, да и то, как говорится, невольным голосом. Если уж мне, актрисе, неясно, чем руководствуется моя героиня в известных жизненных обстоятельствах, то тем менее это может стать ясным зрителю, тем менее, стало быть, может его взволновать.

Только такую ясную роль, где понятны мотивы и правдивы подробности, может актер сыграть тонко. Ему не нужно надсаживаться, надрыдывать, что-то из себя сил доказывать зрителю. Он свободно существует в ситуации пьесы, целиком отдаваясь течению внутренней жизни героя. В противном же случае получается так: я толпаю ногами — видите — я иду; я кричу — видите — я раздражена; я умиляюсь — видите — у меня доброе сердце! А зритель все равно, раздражена ли я или нет, доброе ли у меня сердце или злое, потому что это его исходно не волнует, то что по воле автора волнуется героиня пьесы. И невольно начинаешь играть грубо, с нажимом, с перебором красок, так, что неприятно самой. Всякое отставание драматургии немедленно отражается на уровне актерского мастерства — это закон. Иначе говоря, товарищи драматурги, и здесь мы зависим от вас!

И я говорю это не только от своего имени. Я уверена, что к этой моей просьбе присоединятся Гиндицина и Раневская, Скопина и Бабанова, Хорькова и Гринченко и другие представители женского, да и мужского «сообщества», подчас так же обделенные хорошими ролями, как мы.

И я говорю это не только от своего имени. Я уверена, что к этой моей просьбе присоединятся Гиндицина и Раневская, Скопина и Бабанова, Хорькова и Гринченко и другие представители женского, да и мужского «сообщества», подчас так же обделенные хорошими ролями, как мы.

Прочитав «реплику» Эм. Казакевича, С. Маршала, В. Каверина, К. Паустовского, Ст. Ципляева, Н. Подороина и М. Луконина в «Литературной газете» от 23 ноября с. г., я окончательно убедилась, что бесплодная идея не становится менее бесплодной от того, что ее высказывают сразу группой.

Сама по себе мысль о необходимости всячески улучшить работу издательства и журналов правильная и вряд ли может вызвать возражения. Если бы авторы «писем» и «реплик», после серьезного изучения работы наших печатных органов и их взаимодействия с союзом, внесли конкретные деловые предложения, такая инициатива принесла бы только пользу. Но это выступление определенным образом поставило под сомнение необходимость единой творческой писательской организации.

В «реплике» товарищи стараются представить все таким образом, будто я и лишь я один — неправильно их понял он вовсе не за ликвидацию союза, они его любят и уважают и даже готовы признать, что «без союза, без писательской организации невозможно полноценную литературную жизнь». Ну, а как поняли их А. Безыменский и Юр. Корольков («Литературная газета» от 13 ноября)? Они пишут: «Вся цепь рассуждений товарищей ведет к тому, что нужно просто закрыть Союз писателей, ликвидировать его». Как поняли «письмо» свердловские писатели Ол. Коржков и С. Самсонов («Литературная газета» от 25 ноября)? Также, как ликвидаторское. Только в таком смысле поняли авторы «писем» многие, если не все литераторы.

Какой же вывод сделать из всей суммы однодущих описаний? Тот ли, что семеро литераторов не сумели ясно выразить свои мысли — хотели сказать одно, а получили другое? Или все-таки их правильно поняли, но они вдруг решили отступить, произнес хором реплику о любви к союзу? Откровенно признаю ошибку: им не захотелось — и они просто рассердились.

Примерно одна пятая часть моей статьи посвящена «письму», читатель может взглянуть на это место и проверить, есть ли там «раздраженный недискуссионный тон», «сомнительные параллели» и «не вполне понятные намеки» — все то, что с большой готовностью на здоровую принижают мне мои оппоненты? В самом ли деле я установил выдуманный или самими некий странный «зависимость между комиссиями ЦСП и... советской литературой»?

Семеро авторов поменяются: мол, я не могу назвать и десятка имен писателей, коммиссия ЦСП помогла «продвинуться в литературу», — некое, мол, название. Это неправда, которая дезориентирует читателей. Я сам навсегда сохранил благодарный союз за помощь в важный для меня период жизни, когда реласовала моя писательская судьба. В. Смирнов, К. Седых, В. Попов, Н. Шундик, С. Сартаков, Н. Соколов, С. Залыгин, Н. Задонский на своих писательских судьбах испытали сильную и решающую поддержку союза, но им помог в литературе. В том, что «областники» занимают сейчас столь заметное место в литературе, есть немалая заслуга и союза.

Комиссия ЦСП при всех своих недостатках, если и ведет большую и разнообразную работу с писателями, они помогли стать на ноги многим талантливым людям из литературной молодежи. С чувством гордости за наш союз называю имена Д. Гранина (Ленинград), В. Лаврентьева (Новосибирск), А. Макаенка (Белоруссия), М. Гайнкой, Ю. Яковлева, М. Колесниковой и Н. Аргуновой (Москва), Н. Архангельского и Дм. Леватова (Тамбов), Н. Сухова (Сталинград), С. Пасько и И. Ставской (Молдавия), Б. Чалого (Украина), В. Очеретина, А. Салдыкова (Свердловск), В. Лавриной (Чита), А. Кожмякина (Майкоп), Л. Молчановой (Молотов), К. Локоткова и Ю. Гончарова (Воронеж), Ф. Таурин и И. Дворецкого (Иркутск), — это только часть того талантливого пополнения, которое с помощью союза пришло в литературу за последние годы.

Вводя в заблуждение читателей, авторы «реплик» заявляют: «Нынешняя организационная структура союза отнюдь не горьковская, она возникла через много лет после смерти Алексея Максимовича; при Горьком структура была вовсе не бюрократической, а очень и очень простой. Был президиум, председатель и секретарь...»

Обратившись к официальным документам, мы увидим, что нынешняя «бюрократическая» структура правления незначительно отличается от структуры 1935 года: и тогда был аппарат, те же коммисии, секции или референтские группы (названия здесь роли не играют), причем даже примерно в тех же штатных пределах. В группе по областям РСФСР было в 1935 году пять штатных единиц, как и в нынешней коммисии; в детской коммисии было три — точно как и сейчас; группа по работе с молодыми авторами тогда насчитывала на одного человека больше, нежели теперешняя коммисия; в нынешних коммисиях по драматургии и кинодраматургии (обеих) сейчас работают семь человек, а в драмкомисии правления 1935 года куда входила и кинодраматургия, было восемь человек. И секретарей в правлении было пятеро, а не один, как утверждают авторы «реплик» (ныне секретариат состоит из шести человек). И понятно: нельзя было иначе тогдашним руководителям союза вести столь сложную работу.

Разумеется, в структуре и штатах правления за прошедшие двадцать лет постепенно произошли изменения. Появилась новая большая иностранная коммисия, увеличилась коммисия по литературам народов СССР и т. д. Это произошло не по чьей-то прихоти, а в связи с радостными изменениями в самом литературном хозяйстве: могуче выросли отряды национальных литератур, на новой основе сложились деловые связи с зарубежными литературными организациями. Союз писателей выросла более чем вчетверо.

Вот как выглядит дело, если не стараться обязательно показать его в ярком зеркале. Есть за что критиковать союз, его неорганизованную структуру, многие огрехи его работы, но критика эта должна основываться на точной осведомленности и на добром желании укрепить свою организацию.

Эм. Казакевич и его соавторы напрасно стараются выместить злые соображения по поводу московской писательской организации. Московские писатели очень нуждаются в том, чтобы у них было свое выборное правление, чтобы творческие секция и все общественные формы работы оживились.

Спору нет, нужно укреплять журналы и издавательские хорошие кадры, нужно открывать новые журналы, это может быть по-настоящему и плодотворно осуществлено при всемерном укреплении самого союза. Повышение общественной активности всей массы писателей, продуманная организационная перестройка союза, внедрение в его деятельность принципов широкой демократии — вот тот путь, по которому сама жизнь ведет вперед нашу организацию.

Я должен был бы, очевидно, откликнуться и на шутки о «столончатничестве» и «административном восторге», но, понимая, что сдерживать одно самолюбие легче, чем семь, и чувствуя, что эти слова — не что иное, как бараний бой отступления, я воздержался. Меня все же несколько утешили признания в любви к союзу, появившиеся в «реплике»: семерка авторов извлекла кое-какой урок из полемики о союзе — ставить на нем крест, пусть даже на бумаге, им не позволило их же товарищи по работе.

Не могу здесь оставить без ответа «Письмо в редакцию» ростовских писателей В. Закруткина, А. Калинин и М. Соколова. Зря они «защипают» М. Шолохова, огорчают его от товарищеской критики, — думается, в адвокатуре он не нуждается. М. А. Шолохов и для меня любимый писатель, автор романов «Тихий Дон» и «Поднятая целина». Но глубокое уважение к авторитету не может помешать высказывать убеждение, что М. А. Шолохов совершает ошибку, долгие годы игнорируя Союз писателей. Ученики М. Шолохова рождаются под неустойчивым влиянием «Тихого Дона», верю. Но считал же А. М. Горький обязательным для себя практическую работу в союзе, выступления со статьями о молодых и молодых, бесконечные поиски новых форм помощи талантливой молодежи.

Разумеется о слабости союза, невольно обращаешься в мыслях к самым крупным нашим писателям, которые могли бы решительно изменить положение к лучшему, если б как следовало влезли за дело. Мне искренне желание и состоит в том, чтобы практическое влияние М. Шолохова распространилось на весь наш литературный пех.

Живая динамика пантелевских образов раз навсегда порывает сочиненные педантами рецензии о героях «без изъяснов» и «с изъяснов». Диапазон его искусства так широк, что оно свободно вмещает в себе и тех и других. Да и дико было бы отставать какую-нибудь одну единственную категорию героев, если наша литература может по праву гордиться таким разнообразием жанров и стилей, что немалым ограничить ее одним каким-нибудь методом трактовки героя. Образ Чапаева представлен у нас и в реалистической повести, и в эпической поэме, и в романтической песне, и разве это разнообразие не несло ему хоть малейший ущерб? И разве мы не любим героев Рысева: Артемия Волынского, Богдана Хмельницкого, Ермака, Долгорукова, не имеющих никакого «изъяснов»? И кто же станет требовать, чтобы, правдоподобия ради, Рысев придумал я какой-нибудь изъяснов? «Святая односторонность» его литературного метода (как выразился Н. П. Огарев) несколько не противоречит законам искусства. Наша литература была гораздо беднее, если бы в ней отсутствовали «Думы» Рысева, хотя Иван Сусянин, например, говорит в них таким языком, каким никогда не говорил крестьяне. Но это вовсе не значит, что писатель другого литературного стиля не имеет права изобразить хотя бы того же Ивана Сусянина в бытовом, реалистическом плане.

Все зависит от темперамента и здоровья писателя, от того жанра, который ему наиболее присущ.

В своем жанре Пантелеев — выспелый, зрелый и сильный художник, с актуальной житейнопренебрежительной темой, с позитивным чувством языка, и критикам пора бы нарушить молчание, которым почему-то окружено его творчество.

ЧИТАТЕЛИ О ЛИТЕРАТУРЕ

Всегда своевременным было бы создание литературного словаря по типу краткого философского, дипломатического и др. В нем необходимо привести краткие сведения о писателях, поэтах, критиках, писательских организациях, литературных органах, о съездах и конференциях писателей. Литературный словарь должен давать читателям объяснение специальных литературных терминов, содержать сведения о наиболее важных произведениях литературы.

Литературный словарь, изданный массовым издательством, явился бы настоящей справочной книгой для читателей художественной литературы. Инженеры Ю. ЛЮБАРСКИЙ и М. ШУР ЛЕНИНГРАД

Несколько слов о связи писателей с читателями. Не раз я встречал высказывания о том, что поэтов не читают. Неверно, или не совсем верно это. Читая поэтов и книги их покупают. Даже некоторые книги не найти. Если кого не читают, так, видимо, имея его мало известно читателю. Небольшое поэтам чаще выступать перед читателями.

В свое время Маяковский начал свое выступление так: «Слово предоставляется поэту Владимиру Маяковскому. Начнем, товарищи, работать». Талантливейший поэт нашей эпохи чтение своих стихов перед народом считал работой. Как это, товарищи, прекрасно звучит! И. АНДРЕЕВ дер. НОВОЕ, Великолукской обл.

Диактика у нас не в чести. Самое слово дидактика считается ругательным словом. Принято думать, будто лишь художество таланта, лишь способность изобразительных средств побуждают писателей прибегать к дидактизму. Но никакие предвзятые законы и догматы не приложимы к искусству. Пантелеев такой сильный художник, что дидактика ему не помеха. Напротив. Дидактические сентенции, которые у другого писателя звучали бы непростительной фальшью, здесь, в атмосфере его «Повестей и рассказов», которых уж никто не называет художочными, воспринимаются как законные явления стиля.

Сила и действенность его благородной дидактики именно в художественной достоверности его языка. Если бы какой-нибудь из выведенных им отважных людей заговорил тем выспренным, слащавым фальшесом, каким нередко выражают свои чувства идеальные герои романов и пьес, — его книга показала бы читателю лодку. Не будь у его персонажей такой характерной, типической речи, чудесно отражающей их быт, их профессию, их индивидуальные качества, эти люди стали бы отвлеченными схемами, без сердцебиения, без плоти и крови.

Начисто устранив риторику из рассказов о подвигах советских людей, Пантелеев тем самым показывает, что героизм в нашем быту — не экзотика, а заурядное, повседневное дело. Романтика здесь не в словах, а в делах.

Мускулатура таланта

1. Читаю Пантелеева и невольно радуюсь его языку. Такой он лаконичный, меткий, так же в нем горячие краски, так далеки от заржавленных литературных шаблонов.

Стоит человеку на мгновение промелькнуть в пантелевской книге и произнести милоуходом какую-нибудь короткую фразу... и мы видим его с ног до головы. На минуту, не долгие, показывается здесь, например, атаман Хохлаков. Этот хриплый пройдоха, бандит презирает деревень в сопровождении своей разбойничьей шайки. Заприметив у какой-то избы горюскую нарядную женщину, он обращается к ней с неожиданной ревью: — Пардон. Я очень извиняюсь. Могу я попросить вашей любезности дать мне ковшик холодной воды?

И когда она дает ему пить, восклицает с такой же галантностью: — О, прогормонное мерси!

Промизла, выказывающий себя дамским угодником, — этот гротеск выражает единственной фразой. Но в ней он весь, этот бывший ростовский приказчик, — со всей своей плазмой наружности: с крохотным, вздернутым носиком, с пошлыми усиками, с шутковским претенциозным нарядом. Самый стиль его фразы, где исконно русское «прогормонное» сочетается с французизмом, смердяковским «мерси», сдо характеризует вульгарность мешающей среды, откуда вылез этот галантерейный погромщик.

В героях Пантелеева вершишь, они оцуптисы и зрими, словно вчера только видели с ними, именно потому, что они говорят таким живописным, живым языком. Речевые характеристики лиц — главный ресурс Пантелеева. Где ни разверни его книгу, всюду услышишь по-новому схваченную, свежо воспринятую ревью во всем разнообразии ее интонационных оттенков: ревью колхозника, милиционера, врача, солдата, школьника, матроса, рабочего. Среди детских (и не детских) писателей Пантелеев — один из сильнейших мастеров русской речи.

Не выпячивая своего мастерства, он пользуется им скромно и сдержанно. Ему так дорога его тема, что та словесная форма, в которую он облекает ее, никогда не служит для него самоцелью.

2. Какова же тема Пантелеева? Мне кажется, что она лучше всего выражается следующей поучительной притчей, которую когда-то, лет

Корней ЧУКОВСКИЙ

десять назад, он пересказал для детей. Две лягушки угодили в горшок со сметаной. Одна из них была безвольная, робкая. Она поплавала немножко, поблуждалась и сказала себе: «Все равно мне отсюда не вылезти. Что ж я буду напрасно барахтаться! Уж лучше я сразу утону».

И утонула. «Нет, братцы, — сказала другая, — утону ты всегда успею. Это от меня не уйдет. А лучше я еще побарахтаюсь, еще поплаваю... И вдруг... что такое? Вдруг чувствую наша лягушка, что под ногами у нее уже не сметана, а что-то твердое... вроде земли. Удивилась лягушка, посмотрела и видит: никакой сметаны в горшке уже нет, а стоит она на комке маела».

Это она сама его сбילה, барахтаясь в сметане! Оно-то и спасло утопающую. Отсюда, конечно, мораль:

— Не умирай раньше смерти! Барахтайся до последней минуты! Помни, что «воля и труд человека дивные два творят». Вытравляй у себя из души всякую хлосот и дроблосот.

Этому и учит Пантелеев в своем сборнике «Повестей и рассказов», изданных недавно Детизмом (1954 г. 605 стр.). Книгу до краев наполняют люди величайшей отваги. Здесь и Александр Матросов, прикрывший грудью неприятельский залот («Свардиной радовой»). И Петр Трофимов, которому так и сказал любимым начальником: «На верную смерть я тебя посылаю» («Пакет»). И та двенадцатилетняя босоногая девочка, которая с риском для жизни спасает свой город от налета врагов («Ночка»). И ее сверстник, ленинградский мальчишка, работающий на Неве перевозчиком под жидким снарядом и зенитным осколком («На ялик»). И многие другие — вплоть до безбашенной сельской учительницы, которая, пренебрегая опасностью, защищает от вражеских пузь одним стареньким зонтиком, да и то, «когда уж очень сильно пузять начинают» («Ленька Пантелеев»).

Провславляя мужество и закаленную волю советских людей, Пантелеев не отказывается при этом от самой откровенной дидактики. Даже в своем лучшем произведении, в «Индияне Чубатом», где блестя-

шая словесная живопись, казалась бы, убедительная сама по себе, Пантелеев то и дело прерывает рассказ, чтобы лично от себя сказать читателям, что Индияна надо было бы поступить так-то и так-то, а он, к сожалению, поступает вот так — именно по слабости характера. Этот Чубатый — игрушка своих собственных прихотей, и Пантелеев наглядно показывает, что если бы он не взял себя в руки, быть бы ему паразитом и неучем.

Дидактика у нас не в чести. Самое слово дидактика считается ругательным словом. Принято думать, будто лишь художество таланта, лишь способность изобразительных средств побуждают писателей прибегать к дидактизму. Но никакие предвзятые законы и догматы не приложимы к искусству. Пантелеев такой сильный художник, что дидактика ему не помеха. Напротив. Дидактические сентенции, которые у другого писателя звучали бы непростительной фальшью, здесь, в атмосфере его «Повестей и рассказов», которых уж никто не называет художочными, воспринимаются как законные явления стиля.

Сила и действенность его благородной дидактики именно в художественной достоверности его языка. Если бы какой-нибудь из выведенных им отважных людей заговорил тем выспренным, слащавым фальшесом, каким нередко выражают свои чувства идеальные герои романов и пьес, — его книга показала бы читателю лодку. Не будь у его персонажей такой характерной, типической речи, чудесно отражающей их быт, их профессию, их индивидуальные качества, эти люди стали бы отвлеченными схемами, без сердцебиения, без плоти и крови.

Начисто устранив риторику из рассказов о подвигах советских людей, Пантелеев тем самым показывает, что героизм в нашем быту — не экзотика, а заурядное, повседневное дело. Романтика здесь не в словах, а в делах.

3. Больше половины всего сборника — 350 страниц — занимает повесть «Ленька Пантелеев». У этой повести немало достоинств. Ларование автора впервые развернулось здесь во всю свою ширь. Ни в одном из прежних писаний он не обнаруживал такой крепкой мускулатуры таланта, такого большого дыхания, такого тонкого слуха и зоркого глаза. Его заветная тема — становление советского человека, волевого и стойкого, — выражена здесь с необычайной рельефностью. Есть

бывало, написанные так мастерски, что не было бы странным увидеть под ними подписи: Александр Куприн (например, детство героя, взрослая жизнь матажа). Но в повести есть два недостатка, с которыми нельзя примириться. Первый заключается в том, что у нее беспозаодно оторван конец, и рана, которая образовалась при этом, наскоро залеплена пластырем — кратким уведомлением «от автора», где живописно полнеена декларация. Тема не получила развития и внезапно сошла на нет.

Второй недостаток — органический, внутренний. Он заключается в том, что хотя повесть предназначена для детского чтения, многие ее образы, самые лучшие, наиболее виртуозно написанные, представляют собою чрезвычайно сложное сочетание пласов и минузов. Добро и зло так причудливо перемешаны в них (светлая человечность с пласством, самодурством, невежеством), что даже мне, зрелому взрослому уроженцу в детской словесности, эти сложнейшие зарисовки характеров показались слишком уж «взрослыми».

Конечно, повесть и в таком виде остается прекрасной (при условии, что у нее будет конец), и я вовсе не склонен настаивать, чтобы Пантелеев упростил свои образы. Но нет сомнения, что ее достоинства стали бы еще очевиднее, если бы она была напечатана не в Детизме, а, скажем, в Гослитиздате или в «Советском писателе».

«Теория» эта гласит: душевная жизнь детей и подростков элементарна, примитивна проста: им подается сюжет погорячее да поварче, и они, захваченные увлекательной фабулой, охотно прочтют сочинительские какие угодно изыскания его мастера.

Читая книгу о героях и подвигах, ребенок не задает себе вопросов: доброта ли ее словесная ткань? нет ли здесь шаблонных эпитетов, банальных ситуаций и образов? говорит ли герой в полном соответствии с жизненной правдой или фальшиво и книжно? Ведь непонятному, малолетнему разуму чужды те сложные и многообразные требования, какие предъявляются к художественным произведениям взрослыми.

По этой «теории» выходит, будто, пользуясь житейской неопытностью малых детей и подростков, мы вправе предлагать им непонятные книги, убожество которых неприметно для них! «Теория», словом созданная для поощрения халтурщиков и литературных лягушководов. Она и поныне находит свое воплощение в практике многих зарубежных издательств. И разве не было у нас на Руси низкоробких писак, делавших всю ставку на то, что юный читатель еще не обладает достаточным опытом, чтобы отличить мармеладных героев от подлинных?

5. Советские люди давно уже в негодном доверием отвергли такую «концепцию». Они не хотят допустить, чтобы детей и подростков обслуживали писатели третьего сорта, предьявляющие к своему мастерству пониженные, легко выполнимые требования. Пантелеев потому-то и не пользуется благосклонностью тех, кто охотно прощает писателю всякую фальшь, если она кажется им «актуальной».

Ведь Пантелееву было бы значительно легче заставить своего Петью Трофимову изъясниться приличным, бесцветным языком благоговейного и благонаравного юности. Тем самым он освободил бы себя от всяких забот о художественном воспроизведении его подлинной логикой, то есть отдался бы от своего мастерства! Образ его героя утратил бы жизненность, и перед нами возникла бы пустая абстракция, которую невозможно любить.

Рабски приносясь к ложно понимаемой «специфике детского возраста», большой художник стал бы малором. Между тем Петья Трофимов живет перед нами именно благодаря своей живописной выразительной речи. Вся его фразология отражает в себе ранний этап речевого развития массе, относящийся к первым годам революции, когда горюская культура преледела в отсталую деревню великое мно-

ство новых понятий и слов, освоение которых дало деревенскому человеку не сразу. Оттого-то у Трофимова, с одной стороны, «журнуться» и «вларить», а с другой —

# МЫ УВЕРЕНЫ В СВОИХ СИЛАХ!

## Голос советского народа

В Киеве стоят ясные ясные дни. Озаренный солнцем древний город кажется особенно величественным и прекрасным. На широких улицах и бульварах царит мирное оживление.

Мир!

В это маленькое слово советский народ вкладывает большое содержание и большие надежды.

Мир!

Он не пришел к нам сам по себе, мы завоевали его в огненной буре Великого Октября, в героической эпопее гражданской войны, отражая полчища интервентов четырнадцати капиталистических государств. Он был завоеван нами в боях против гитлеровских захватчиков, мы отстояли его в сражениях за Москву, за Сталинград, в битве на Днепре, в штурме Берлина.

Советские люди всегда знали, что пока существует лагерь войны и реакции, миру грозит опасность. Но сейчас эта угроза стала особенно реальной. Ратификация парижских соглашений, которую торопят враги мира, позволит вновь подняться силам реакци и агрессии. Призрак германского милитаризма встает над Европой и сулит новые страдания и бедствия миролюбивым народам. Поэтому советские люди всем сердцем приветствуют Декларацию, подписанную 2 декабря 1954 года в Москве участниками Совещания европейских стран по обеспечению мира и безопасности в Европе.

Волна митингов прокатилась сегодня, 3 декабря, по Киеву. На фабриках и заводах, в учреждениях, в общественных и творческих организациях передовики социалистического труда, писатели, деятели искусства и науки, профсоюзные работники говорят о своей воле к миру, выражают горячее одобрение политике Советского правительства, твердо и последовательно отстаивающего безопасность европейских народов.

Советский народ с особенной настойчивостью относится к попыткам международной реакции восстановить на берегах Рейна очаг новой войны. Сегодня на митинге, где собрался коллектив одного из крупнейших предприятий Киева — завода «Ленинская кузница», формируя литейного цеха Степан Иванов сказал:

— Я ушел на фронт в первый день войны. Вернулся домой и увидел — родной завод сильно пострадал. Мы восстановили его. Но не для того, чтобы на наш завод снова свалились бомбы!

Сейчас весь Киев сверкает бездной новых зданий, бурлит движением и трудовой жизнью. И все сделано нашими руками, как волнующие говорят на этом же митинге молодой токарь «Ленинской кузницы» Анатолий Авдошин.

Смотря на Киев сегодня и невольно вспоминаешь ноябрьскую ночь 1943 года, когда войска Первого Украинского фронта вступили в город. Развалины начинались от Куреняки, шли через Подол и Брестский до выезда из города на Литомир и Львов. А страшный, вошедший в летопись человеческих страданий, Бабий Яр еще дымился, распространяя чад и злое.

Вспоминаются не только Киев, но и разрушенный гитлеровскими бомбами английский город Коветри, и Лондон, до сих пор зияющий развалинами, и французские города и селения, пострадавшие от варварских бомбардировок, от аэробомбов, катальных эскадрилий. Тяжело вспомнить об этом, но приходится...

Лагерь мира и демократии — это лагерь сотен миллионов мирных, — да, мы подчеркиваем это слово, — мирных и миролюбивых людей. Но тем, кто вкладывает сегодня оружие в руки вчерашних своих врагов, кто поднимает на ноги германский милитаризм, развязавший две мировые войны, не следует забывать, что лагерь мира и демократии — это лагерь самых сильных и мужественных людей на планете, вооруженных самой передовой в мире техникой.

Можно в старческом маршале предаваться рефлексивным воспоминаниям о закулисных интригах и преступном флорте с кровавым вермахтом в дни последней войны, можно позвать на брешь по грязным тропам геббельсовских провокаций, можно мнить себя новым Бонапартом и Шильегрубером, но не следует забывать при этом, чем окончились и чем всегда в истории оканчивались авантюристические походы к берегам Днепра и Волги!

Об этом говорили инженер-технолог Янина Федорова и другие участники митинга на заводе «Ленинская кузница». Об этом, спокойно и трезво оценивая обстановку, говорит сегодня весь Киев, вся Украина, вся Советская страна.

Под Декларацией от 2 декабря 1954 года рядом с подписями представителей миролюбивых держав мысленно ставят свои подписи все советские люди.

Любомыр ДМИТЕРКО

КИЕВ

## Лагерь мира спокоен

Парижские соглашения не могут не тревожить каждого честного полка, так же как не могут не беспокоить и всех здравомыслящих людей. Репенье во что бы то ни стало вооружить Западную Германию, возродить вермахт обеспокоило весь прогрессивный мир. Это и понятно, ибо, как справедливо подчеркивает Декларация, принятая на Московском Совещании европейских стран, ратификация парижских соглашений «...будет представлять собой акт, направленный против сохранения мира и на подготовку новой войны в Европе».

Соединенные Штаты европеизируют на своих «партнеров»: «Ратифицируйте! Немедленно!» Нам понятно это нетерпение господ банкиров и генералов — им хочется с помощью нового вермахта создать себе широкое поле деятельности...

Но мы спокойны. Нервы у нас крепкие. Нам вполне достаточно. Во всяком случае,

мы сможем крепко взять за воротник каждого, кто решится на нарушение нам покой.

У нас, в государствах Восточной Европы, некогда предназначенных Гитлером к роли «жизненного пространства» для развития «высших рас», теперь многое изменилось. Жизнь стала во много раз лучше, и у власти стоит сам народ. Земля навеки отдана крестьянам, а заводы — в руки рабочих. За это время в Польше произошли немалые события — нет у нас безработицы; бесследно исчезла прежняя, почти поголовная неграмотность; книга стала достоянием самых глухих уголков; внешний мир приближался к каждой хате; радио разносит вести во все концы страны, и любое международное событие тотчас же становится предметом самых оживленных обсуждений; люди политически выросли, и никто теперь не смотрит на будущее, «сидя у моря и ожидая погоды».

Несколько дней назад, будучи в Вене, я беседовал с французом. Приехали бывшие партизаны, бойцы Сопротивления. Здесь они встретились с антифашистами всей Европы. Однако среди французских нацистов и такти, которые беззаботно говорили:

— Западная Германия не сможет выставить настолько сильную армию, чтобы угрожать Франции. Мендес-Франс говорит, что если будут два блока, то противники скорее договорятся между собой...

Что это — наявность, легкомыслие или нечто гораздо более худшее?

Мой хороший знакомый, каменщик Станислав Ковальчик, работающий на восстановлении варшавского района Старе Место, сразу понял, в чем суть дела, когда до него дошла весть о намечающейся ратификации парижских соглашений:

— Не может быть равенства там, где создается новый СССР. Иско, что первенство заберут германцы из Западной Германии... Я германских фашистов знаю — они будут лизать, как клопы! Как только почувствуют свою силу, то сразу поднимут голову и станут бросаться одинаково и за Одер и за Рейн. Это уж так, поверьте мне! Нет, я бы никогда не спускал ошалелого волка с цепи, хоть бы он всю неделю дружелюбно вилял мне своим грязным хвостом!

Мне думается, что этот каменщик ни на минуту не ошибался в своей оценке международной обстановки. Да! Рассуждая по-просту, никто из здравомыслящих людей не станет давать нож в руку лавому законсервированному убийце.

И верю во французскую рассудительность: вряд ли они захотят вооружать врагов, которые не так давно рвали и крошили живое тело Франции. Надо заблаговременно остановить реваншистов!

Потому Московское Совещание европейских стран было встречено в Польше с удивлением. Не можем мы дальше равнодушно взирать на то, что кандидаты в новые «владельцы мира» готовят страшную катастрофу. Если обращение к их разуму и совести не действует, надо показать им, что мы достаточно сильны, что мы полны решимости и не допустим никаких враждебных действий в отношении себя. «Всякие попытки напасть, развязать войну и нарушить мирную жизнь наших народов встретят сокрушительный отпор», — говорится в Декларации участников Совещания. — И тогда наши народы, опираясь на сочувствие и поддержку других народов, все сделают для того, чтобы уничтожить силы агрессии и чтобы восстановило наше правое, справедливое дело».

У нас в Польше люди встретили с пристрастием в Москве Декларацию как выражение своей воли, воли миролюбивых народов. В доказательство этого привели три высказывания. Первое принадлежит Густаву Морцинеку, писателю, учителю, бывшему узнику гитлеровского лагеря смерти в Маутхаузене, где он выстрадал долги и тяжкие пять лет.

— Древняя греческая легенда, — сказал Густав Морцинек, — гласит, что существовали такие зубы дракона: достаточно было посясть их, как на том месте немедленно вырастали вооруженные войны, которые не могли жить без крови и убийств... Гитлер посял такие зубы, и из них выросли фашистские орды, залитые миром потоками крови. Теперь западногерманские милитаристы жаждут новых авантюр. В последнее время мы стали свидетелями новой попытки посясть зубы дракона: об этом позвонили руководящие круги некоторых держав и прежде всего Соединенных Штатов Америки. Их усилки направлены на то, чтобы возродить новый гитлеровский вермахт. Они сеют зубы дракона и в своей пропаганде, их подлоски угрожают. Но мы уверены в своих силах. Они не застанут нас врасплох. Лагерь мира спокоен.

Выдающийся ваятель Польши профессор Ксаверий Дуниковский, удостоенный высокой правительственной награды — звания «Строителя Народной Польши», заявил:

— Первую мировую войну я провел во Франции и принимал активное участие в ней. Хорошо знаю, какие тяжелые удары обрушились на французский народ, какие потери понесла его культура... Подобная же трагедия разыгралась и на нашей польской земле... Вторую мировую войну, которая губительно сказалась на всем земном шаре, я пережил в лагере смерти, в Освенциме. И когда спустя пять невыносимо тяжелых лет я, наконец, получил свободу, мне казалось, что человечество никогда не забудет этот ужас, никогда не притомит империализма их чудовищных злодеяний. Я думал, что теперь люди поймут значимость и цену братства и мира. Поэтому, когда образовался могучий лагерь мира, я увидел реальную возможность дружественного сосуществования всех народов».

А теперь в Западной Германии империалисты вновь вооружают тот же самый «классический» прусско-гитлеровский

## РАЗМЫШЛЕНИЯ ПИСАТЕЛЕЙ ТРЕХ СТРАН

Первые отклики на итоги Московского Совещания европейских стран по обеспечению мира и безопасности в Европе свидетельствуют, что международная общественность горячо одобряет Декларацию, принятую Совещанием. Представители самых различных слоев населения в разных странах разделяют идеи и принципы, сформулированные в Декларации. Сегодня мы публикуем статьи советского, польского и немецкого писателей, в которых находят свое отражение мысли и чувства миллионов людей.

— Я строил эти дома не для того, чтобы их разрушили бомбы. И так уж достало мертвых плащенок по всему свету... С нас по горло довольно всей этой разрухи. Я строил для того, чтобы мои дома стояли накрепко. А если кто попробует разрушить эти стены, то, клянусь честью, так стукну по зубам, что его родная мать не узнает! Да мы и не один, кстати сказать, — много нас теперь собралось в одну семью. Не то, что прежде: теперь они нас не разделяют, — соседи сразу же придут на помощь! А ведь за нами еще и Китай стоит!.. Декларация очень ясна: хочешь мира, или с нами строить общую безопасность Европы.

Войцех ЖУКРОВСКИЙ, польский писатель

ВАРШАВА

## Великая надежда миллионов

В те дни, когда в Москве на Совещании европейских стран собрались представители миролюбивых государств, память часто возвращала меня к недавним встречам с друзьями мира, съехавшимися в середине ноября со всех континентов в Стокгольм. Я охотно описал бы тот особенный свет, который к трем часам дня начинала окутывать Стокгольм и становился заметен всякому, устремившему из Сольдана своей взгляд на силуэт города, с небрежным споконствием растянувшегося на островах. Я охотно рассказал бы о Салтшобедне — месте, где мы жили. Салтшобедне казалась неповторимо прекрасным, хотя шведы обычно не соглашались с нами. «Что вы», — говорили они, — вам нужно было бы пообывать здесь летом».

Я охотно написал бы о прекрасных картинках Ренуара и Моне, которые я видел в Национальном музее, о старых кварталах Стокгольма, о белокурых крестьянках, ирландцах и на скрипках свои народные танцевальные мелодии в городской ратуше, о спокойно-приветливых обитателях шведской столицы. Я мог бы рассказать о порядках и обычаях в этой стране, о местной архитектуре, о заработной плате, о городском транспорте, о технике...

Особенно мне хотелось бы рассказать о встречах с шведскими друзьями в Стокгольме, но я ограничусь тем, что напомним: не было на сессии ни одной речи, ни одной беседы, ни одного высказывания, в которых не отразился бы германский вопрос в том виде, как он стоит в настоящее время. Германия очутилась на перекрестке двух путей; ей предстоит сделать выбор между вермахтом и собственным возрождением, между расколом и единством, между войной и миром.

Сознание грозящей опасности ощущалось в словах посланцев Африки и в выступлениях делегатов Центральной Америки. Оно чувствовалось во всех высказываниях представителей народов, ведущих тяжелую борьбу за свой насущный хлеб, за право на независимость.

Бонские «сверхчеловеки», полагающие, что теперь они уже снова прочно устроились в седле, возможно, будут весьма довольны этим обстоятельством; ведь они склонны думать, что именно они — пуп земли. Но немцы, побывавшие в Стокгольме, почувствовали, как велика жогающаяся на них ответственность.

Идея мирного сосуществования государств, различных по своему общественному строю, с каждым днем приобретает бесценное множество сторонников. Именно поэтому, что доказана возможность переговоров по спорным международным проблемам, враги мира стремятся помешать продолжению этих переговоров. Именно поэтому вновь рекламируется политика «с позиции силы». Обеспечение мира, создание усилиями всех европейских стран системы коллективной безопасности — эту великую надежду, уже владеющую многими миллионами сердец, хотят сделать несбыточной в результате реинтентации Западной Германии.

Для создавшегося положения характерна та роль, которая отводится лжи и обману в пропаганде сторонников «политики силы». Готовность Советского Союза, стран народных демократий и ГДР вести переговоры предопределяет западногерманской пропагандой как итог политики «с позиции силы». С злодейской усмешкой западногерманские политические деятели и авторы передовиц утверждают, что якобы только после ратификации лондонского и парижских соглашений переговоры с Востоком могут привести к успеху. Но миллионы людей, которыми эти политики управляют, с тревогой и беспокойством спрашивают себя: как же будут выглядеть эти переговоры после ратификации парижских согла-

шений? Какой смысл обсуждать тогда, после этой ратификации, вопрос о воссоединении Германии? Да и состоятся ли вообще такие переговоры, если германские милитаристы поднимут голову?

Совещание европейских стран в Москве показывает этим людям, что Советский Союз и дружественные ему государства полны решимости всеми средствами защищать мир. Эта решимость отстоять мир есть и у Германской Демократической Республики. Именно поэтому ее руководящие деятели приняли участие в Московском Совещании.

Миллионы людей в Западной Германии понимают, что не шантаж предшествует переговорам, а переговоры предшествуют договоренности. Они не забыли убедительной серьезности советских нот по германскому вопросу, они не забыли, что Советский Союз всегда выступал против возрождения в Западной Германии милитаризма, несущего смертельную угрозу для европейской безопасности.

Этим людям уже набилась оскомину лживые утверждения о «пропагандистском характере русских предложений», о советских нотах, якобы «ничего нового» не содержащих, — утверждения, которые не сходили со страниц западногерманских газет. Этим людям, если и не всегда достает политической осведомленности, зато хватает политического чутья. И миллионы немцев на Западе поднимают головы для того, чтобы предотвратить надвигающуюся катастрофу. Члены Объединения немецких профсоюзов и те сотни тысяч избирателей, которые отказывают Аденауэру в своих голосах на западногерманских выборах в ландтаги, — все они знают, что положение серьезно, что так дальше продолжаться не может, что лондонское и парижские соглашения не должны быть ратифицированы. Они знают, что германские дивизии не только делают невозможным объединение Германии, но и создают дополнительные трудности при разрешении отдельных спорных проблем международного значения. Они знают, что мирное разрешение германского вопроса вполне возможно, и тем непонятнее для них, почему должны быть ратифицированы лондонское и парижские соглашения, эти жалкие соглашения, авторы которых в чрезвычайной поспешности неосмотрительно сослались в двух параграфах на уже провалившийся план — план создания «европейского оборонительного сообщества», что, во всяком случае, является новшеством в дипломатической и юридической практике.

В то время как в Стокгольме заседала сессия Всемирного Совета Мира, Уинстон Черчилль в Вуорфорде заявил, что план реинтентации Западной Германии не есть нечто новое, что он еще весной 1945 года предисказательно собирал германское оружие для того, чтобы предоставить это оружие палачам Коветри и Сталинграда и направить его против Востока, против союзных советских армий. Буря отвращения и ужаса была ему ответом.

Господин Черчилль подтвердил уже известные факты, которые он не так давно с возмущением отрицал как «коммунистическую пропаганду». Но средний англичанин припоминает, что «собранное оружие» было однажды уже использовано, и не только для разрушения русских, но и английских, и других городов, после того, как западные державы был вскорлени германский милитаризм.

Своеобразным аккомпанементом к заявлению Черчилля послужили бесстрашная прогнорная речь западногерманского министра Зембома и рев фашистских банитов, заглушивших в западногерманском спортпаласте голоса инкомыслящих, несмотря на то, что последние настойчиво ссылались на свою «западную» ориентацию. Голосовые из так называемой немецкой партии продемонстрировали, как германский фашизм, если ему дать волю, намерен поступить со своими французскими, английскими и другими союзниками по Северо-атлантическому блоку.

Тот, кто высказывался за вермахт, выступает за фашизм, войну и смерть. Народ объединился в борьбе против заговорщиков. Миллионы немцев уже стоят на стороне этих народов. Ратификация лондонского и парижских соглашений может быть предотвращена, если сопротивление будет упрямо, усатерено. Тот, кто хочет жить, должен действовать быстро...

Стефан ХЕРМЛИН, немецкий писатель

БЕРЛИН



Аденауэр: — Может быть, эта ветвь выдержит!.. Рисунок худ. Полтинкина из немецкого журнала «Ойленшпигель»

Катарина Сусанна ПРИЧАРД, австралийская писательница

## С Л О В О К С О В Е Т С К И М Д Р У З ь Я М

Что мне хочется сказать советским литераторам и читателям в связи с предстоящим съездом?

Разрешите мне, для начала, сказать, как ценны для меня интерес и симпатии, проявленные вами к моему роману об Австралии и ее трудовом народе. Мне отрадно думать, что мои книги помогают нашим народам понимать и уважать друг друга, несмотря на проски тех, кто хотел бы посеять между нами вражду. Перевод моих книг на русский язык я воспринимаю не только как большую честь для себя, но и как дань уважения трудящимся Австралии и как еще одно доказательство широты и многогранности советской культуры. Ведь это культура, взлелеявшая литературу многих национальностей, входящих в великий Советский Союз, всячески поощряет изучение иностранных классиков и живо интересуется современной литературой всех стран мира.

Советским издательствам, выпустившим мои книги, я от души благодарна за предоставленную мне возможность говорить с советскими людьми на их родном языке.

Хочется мне также высказать свою благодарность и советским писателям, которые так живо и реалистично показывают жизнь своей Родины читателям всего мира. Постоянно, советские писатели стали глашатаями социализма не только в СССР, но и во многих других странах.

Одним словом не свершить чудо Октябрьской революции и великого преобразования Советской страны; но слова вдохновляли на дела, а слова эти, чтобы достичь миллионов людей и вдохновить их на героические подвиги, нужно было не только произнести, но и написать. Слова, вселяя в людей надежду и сознание собственной силы, помогали им в борьбе за новую жизнь, свободную от эксплуатации, от губительной нищеты, невежества, угнетения и предрассудков, за свободную жизнь, которая дает народу возможность развить заложенные в нем таланты и осознать, что жизнь — это радость. Народ, осуществивший вековые мечты человечества, — вот герой истории. Какой это изумительный материал для поэтов, прозаиков и драматургов!

В 1933 году, когда я посетила Советский Союз, меня буквально потрясла картина колоссальных достижений, привел в восторг и трепет талантливый и самоотверженный труд народа, открывший новую эру в истории человечества. Куда бы я ни пошла, везде меня встречали приветливо и радушно, и везде я видела, как мужчины и женщины, не жалея сил, с чувством гордости и удовлетворения строят свое социалистическое государство. Об этих людях я сейчас и думаю, как о моих читателях.

Я очень удивилась, узнав, что уже в то время мое имя было известно в вашей стране. Правда, я с 1921 года выступала со статьями и лекциями о значении Октябрьской революции и о жизни в России, но то было в Австралии. А тут, когда я однажды была в Загорске, беседовала с редактором «Крестынской газеты», он мне сказал: «Я читал ваши книги». Так я узнала, что существует русский перевод моей книги.

На металлургическом заводе в Сталинске рабочие, читавшие мои статьи о Кузнецком и Сталинске, написали для местных газет и «Москву делай нысь», преподнесли мне значок ударника, который я бережно хранию.

Незабываемым воспоминанием остались для меня октябрьские торжества. 7 ноября, проснувшись еще до рассвета, я услышала на улице пение красноармейцев, направившихся на Красную площадь. И так боялась пропустить парад, что тут же оделась и побежала занимать свое место на трибуну, куда были даны пропуска иностранным журналистам. Миллионеры любовно показали мне, как пройти, — мое рвение, видимо, их позабавило. А я, погнав на трибуну часов в шесть утра, долго стояла там в одиночестве, под падающим снежком.

Демонстрация запомнилась мне как яркое, радостное проявление солидарности народа.

Возвратившись на родину, я описала свою поездку по Европейской России и Сибири в ряде статей для австралийской прессы. Некоторые из них, по указанию правительства, не были пропущены, но позднее вошли в мою книгу «Настоящая Россия», изданную в 1934 году.

Кое-кто утверждал, что в моих описаниях Советского Союза слышном много восторгов. Но как я могла не восторгаться тем, что видела? Правда, то большое и по-

село, что уже было достигнуто, интересовало меня гораздо больше, чем недостатки и пережитки прошлого.

Я писала тогда, и теперь это еще более очевидно, что советская культура — лучшая в мире, а рядовой советский человек более культурен, лучше разбирается в искусстве и литературе, чем рядовой представитель австралийской буржуазии с претензиями на культурность. Если бы наша буржуазия действительно заботилась о культурном развитии страны, она попыталась бы сделать книги, концерты и произведения искусства доступными для рабочих. Однако она этого не делает.

Превосходство советской культуры объясняется самими условиями жизни в Советском Союзе, где народ имеет возможность по достоинству оценить труд своих художников, писателей и ученых, а художникам, писателям и ученым предоставляются все возможности для всестороннего развития их таланта.

Большую литературу создают не одни писатели, но и читатели. Только читатели обеспечивают литературному произведению долгую жизнь, и ничто так не важно для писателя, как читательская критика. Сотрудничество писателей с народом — вот что, по моему глубокому убеждению, обусловило свежесть и силу советских романов.

В Австралии перед писателями, которые руководствуются методом социалистического реализма, стоит задача — как достичь своих книг до народа. Мне лично повезло найти английского издателя, который одобряет мой литературный стиль и предоставляет мне известную свободу в выражении моих взглядов. В Австралии же ни один издатели не опубликует сейчас романа, содержащего сочувственные высказывания по отношению к социализму и коммунизму. Правда, недавно у нас создано «Австралийское общество книги» — прогрессивное объединение, цель которого помочь печататься молодым писателям-реалистам. Некоторые писатели уже беседовали с рабочими о делах общества и заручились их поддержкой, поэтому мы надеемся, что сумеем вырасти и издавать демократические и к тому же специфически австралийские книги. Это совершенно необходимо, чтобы повысить интерес к нуждам и чаяниям нашего народа и сделать их более понятными. Мы получаем издаваемые в СССР английские переводы советских романов, стихов и прозы. Мне Союз советских писателей не раз присылал в подарок книги и журналы, что помогает мне на протяжении многих лет поддерживать связь с советским народом. Нужно надеяться, что когда-нибудь и в Австралии рабочее издательство будет выпускать книги русских и других зарубежных поэтов и романистов.

В Советском Союзе битва за широкое распространение культуры уже выиграна. У наших тружеников мало возможностей для того, чтобы приобрести к культуре. У многих литературный вкус испорчен дешевым чтением, поступающим к нам, главным образом, из США, — смесью из порнографии, убийств и антикоммунистической «деятельности». Кричащие иллюстрации привлекают внимание людей, чья жизнь скучна и однообразна. Об удовлетворении того, что называют «народным спросом» на этот сенсационный хлам, заботятся также радио и кино.

Но австралийские рабочие — люди независимые и мужественные. У них за плечами большой опыт борьбы за свои права. Забастовки девятисотых годов, организация профсоюзов, требование всеобщего избирательного права, обязательного светского бесплатного обучения, кампания за проведение законов, запрещающих потогонную систему на производстве, создание коммунистической партии — всем этим они доказали свое умение организованно бороться за дело рабочего класса. Они вместе со всем народом сумеют постоять за нашу литературу.

В заключение позвольте мне еще раз выразить благодарность народам Советского Союза, обогатившим мир своей культурой; читателям, которые несут своих писателей и вдохновляют читателей и писателей других стран на борьбу за освобождение человеческой личности от всего, что гнетет и унижает ее. Грудь в защиту мира, мы помним, что великий Советский Союз всегда отстаивает дело мира и дружбы между народами. Сердце мое полно любви к вам, дорогие друзья и товарищи, и мысли мои летят к вам через моря и континенты.

## Отклики и комментарии

ЗАРУБЕЖНАЯ ПЕЧАТЬ О НАШИХ ЛИТЕРАТУРНЫХ ДИСКУССИЯХ\*

Статьи болгарской Орган Союза болгарских писателей, еженедельная газета «Литературен фронт», из номера в номер публикует выступления советских литераторов — участников предсъездовской дискуссии.

В сентябре газета начала печатать материалы под специальной рубрикой «Перед Вторым съездом советских писателей». Проблеме положительного героя посвящен большой обзор, где подробно изложен ход дискуссии и выражена надежда, что «страстные и взволнованные предсъездовские споры на эту злободневную тему, безусловно, помогут создать такие произведения, каких ждут от советской литературы не только советские читатели, но и прогрессивные писатели и читатели всего мира».

Полностью напечатана в газете статья Вилеса Лаписа «Писать только правду» («Литературная газета»).

Широко информировала газета своих читателей о съезде писателей Белоруссии, Армении, Грузии, Таджикистана, Украины.

В статье «Слово читателя», рассказывающая о том, как советские читатели уча-

ствуют в подготовке ко Второму съезду, как своей откровенной товарищеской критикой они помогают писателям в их творческой работе, газета «Литературен фронт» пишет:

«Брежневская и плодотворная связь советских писателей со своими читателями — прекрасный пример и для наших писателей и читателей. У нас все еще не установился прочный и постоянный контакт между творцами художественного слова и читателями. Есть отдельные хорошие примеры, но это только начало. Нашим писателям нужно спрашивать мнение читателей, нужно устанавливать и поддерживать с ними крепкую связь, прислушиваясь к их справедливым замечаниям для того, чтобы уверенно двигаться вперед и выше... Творческое общение между писателями и читателями имеет огромное значение в развитии нашей литературы. Нашим писателям и читателям необходимо учиться этому, необходимо использовать богатый советский опыт».

## ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ

Прошу через вашу газету передать мою сердечную благодарность всем учреждениям, товарищам и друзьям, потчившим память моего покойного мужа Алексея Алексеевича Игнатьева.

Н. ИГНАТЬЕВА

Главный редактор Б. РЮРИКОВ. Редакционная коллегия: Б. АГАПОВ, А. АНАСТАСЬЕВ, Н. АТАРОВ, Г. ГУЛИА, А. КОРНЕЙЧУК, В. КОРОТЕЕВ, В. КОСАЛПОВ (зам. главного редактора), А. КРИВИЦКИЙ, В. ОЗЕРОВ (зам. главного редактора), К. ПАУСТОВСКИЙ, Н. ПОГОДИН, С. СМЕРНОВ.

«Литературная газета» выходит три раза в неделю: по вторникам, четвергам и субботам.

Адрес редакции и издательства: Москва И — 51, Цветной бульвар, 30 (для телеграмм — Москва, Литгазета). Телефоны: секретариат — К 4-04-62, раздаты литературы и искусства — К 4-02-29, внутренней жизни — К 4-84-28, К 4-72-88, международная жизнь — К 4-03-48, науки — Б 3-27-54, отдел информации — К 4-08-69, писем — Б 1-15-23, издательство — К 4-11-68. Коммутатор — К 5-00-00.

Типография «Литературной газеты», Москва И — 51, Цветной бульвар, 30.